

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

Л.Л. РЫБАКОВСКИЙ

**ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР И РОССИИ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ**

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного научного фонда
(код проекта 99-03-19631а)*

(Издание второе, исправленное и дополненное
осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
код проекта 10-06-06060-г)

Москва – 2010

УДК 355.01
ББК 60.7
Р93

Р93 Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне. – М.: Экон-Информ, 2010. – 140 с.

В книге рассматриваются различные оценки людских потерь Советского Союза, факторы, обусловившие их масштабы, обосновывается оценка людских потерь, которой придерживается автор, приводятся процедуры расчета потерь при использовании разных методов, характеризуются достоинства метода демографического баланса, приводятся примеры его применения в отечественной и зарубежной практике. В книге предложен, разработанный автором для оценки людских потерь, этно- демографический метод. С помощью этого метода рассчитана величина общих людских потерь России, описаны те трудности, с которыми связана оценка потерь, относимых к отдельным частям государства. В работе предложено авторское понимание косвенных демографических потерь и дан их расчет по России для 1941–1945 гг. Монография не претендует на точность приводимых в ней цифр, она не может быть получена на основе той информации о численности населения, которая существует на время начала и окончания войны, о естественном движении в военные годы, в том числе и на оккупированных территориях и т.д. Это книга об оценках и сопоставлениях, расчетах и здравом смысле. В этой книге говорится о том, в чем автор глубоко убежден, а не о том, что удобно по случаю.

ISBN 978-5-9506-0520-8

© Рыбаковский Л.Л., 2010

Предисловие ко 2-му изданию

Первое издание этой книги вышло в 2001 году, к 60-й годовщине нападения фашистской Германии с её сателлитами на Советский Союз. Второе издание монографии приурочено к 65-тилетию Великой победы Советского народа в Великой отечественной войне. Десятилетие, прошедшее после первого издания книги показало, что споры по многим аспектам войны, продолжавшейся многие годы, не только не прекратились, но и порой возникали с новой силой. Более того, появилось много желающих оспорить итоги войны и особенно вклад в победу её основного участника – Советского Союза и его роль в освобождении народов от фашистской оккупации. История все рассудит, забудутся и различные домыслы и вымыслы с их, ненавидящими советский (ныне российский) народ, авторами. Останется лишь историческая правда о вкладе Советского Союза в разгром гитлеровских полчищ и о жертвах, которые понес советский народ, для того, чтобы состоялась Великая победа и человечество было избавлено от фашистской чумы.

*Посвящается всем, кто погиб,
защищая нашу Великую Родину.*

ВВЕДЕНИЕ

Самыми страшными результатами войн, какими бы они ни были по своим масштабам, являются людские потери. Жизнь, если ее оценивать с точки зрения общечеловеческой морали, бесценна. Но с позиции тех политиков, которые толкают людей на убийство друг друга, жертвы – это всего лишь неизбежные результаты войн, а война, как афористично заметил К. Клаузевиц, есть только продолжение политики другими средствами. Не говоря уже о более ранних временах, даже в XX веке людские потери в войнах рассматривались и продолжают рассматриваться в наступившем XXI столетии не как загубленные жизни, а как подорванный мобилизационный потенциал. К сожалению, человеческая память не сберегла сведений о сотнях тысяч, миллионах воинов и мирных граждан, погибших во времена античных, средневековых, да и современных войн, но трепетно хранит имена Александра Македонского, Юлия Цезаря, Фридриха Барбароссы, Наполеона Бонапарта и других полководцев, на совести которых эти жертвы.

До сих пор сохраняются в памяти сотен миллионов людей и имена тех, кто в середине XX века развязал самую кровопролитную войну. История человечества до этого не знала таких масштабов людских потерь. В течение почти 7 лет Второй Мировой войны, этой самой безжалостной бойни, ежегодно погибало в среднем по 8.5 млн. человек. Результатом преднамеренного уничтожения невинных людей, оказались не только погибшие, но и десятки миллионов физически и душевно искалеченных людей. Наследием войны стали: массо-

вое одиночество женщин, сиротство и безрадостное существование пожилого населения, пережившего своих погибших детей.

В наибольшей мере эта мировая общечеловеческая драма затронула Советский Союз. На его долю приходится почти половина всех людских потерь. Он понес и наибольший материальный ущерб. Фашистскими оккупантами были полностью или частично разрушены и сожжены 1710 городов и поселков и более 70 тысяч сел и деревень с их производственной и социальной инфраструктурой, 31850 промышленных предприятий, 65 тыс. км. железнодорожной колеи, свыше 6 млн. зданий. Все это в совокупности составило около 30% национального богатства страны (48). На оккупированных к началу 1943 г. территориях, где до войны проживало 40% всего населения СССР, было уничтожено 2/3 национального богатства. В уничтоженном суммарном объеме национального богатства всех воевавших европейских стран доля СССР составляет не менее половины.

Ни одна, уж во всяком случае, европейская страна, понеся такие людские и материальные потери, испытав такой моральный шок, не выстояла бы против мощи нацистской Германии. Почти 3/4 военного потенциала фашистского блока было брошено против СССР (кстати, потери Вермахта на советско-германском фронте составили около 75% личного состава и техники). Кроме того, Советский Союз часть своих достаточно больших вооруженных сил должен был сохранять на Дальнем Востоке. Тем не менее, СССР устоял и добился триумфальной победы – не только внес решающий вклад в разгром агрессора, но и, по сути, уничтожил фашизм как государственный институт в Европе. Конечно, цена этой победы оказалась слишком велика.

Раздел 1

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР В ВОЙНЕ

Спустя 65 лет и победа в Великой Отечественной войне и цена этой победы, все эти радостные и горестные факты, видятся как события нашей истории. Незнание истории, как известно, порождает легенды. Но и хорошее знание истории при соответствующей мотивации, способно создавать вымыслы. Несколько таких фальсификаций (русская история – полоса сплошной фальсификации) с разной степенью интенсивности десятилетиями пульсируют вокруг итогов Великой Отечественной войны.

Суть первого домысла состоит в том, что Советский Союз якобы готовился напасть на Германию, поэтому Гитлер 22 июня 1941 г. был вынужден предупредить действия сверхмощной и готовой к нападению Красной Армии, и нанести превентивный удар. Этот пропагандистский маневр был ничем иным, как нацистским оправданием плана “Барбаросса”, – пишет профессор Бианка Пиетров-Энкер в фундаментальном труде немецких военных историков. И далее добавляет, что это была не упреждающая акция, а идеологически мотивированная и заранее спланированная истребительная война против СССР. “...В документальных источниках нет никаких намеков на то, что это решение Гитлера следует рассматривать как якобы реакцию на советскую политику летом 1940 г.” (14. с. 455).

Собственно уже после известного выступления У. Черчилля в 1946 г., открывшего эру холодной войны, в США появились высказывания о том, что виновником Второй мировой войны являются как Германия, так и Советский Союз. В подобных утверждениях

явно нарушена логика, поскольку Вторая мировая война началась задолго до нападения Германии на СССР. Но причем тут логика, если речь идет о политике. Позже предатель офицер-разведчик Резун (псевдоним В. Суворов) воскрешает нацистский миф, слегка модернизированный американскими советологами времен холодной войны. Немецкие военные историки дали достойную отповедь господину Резуну, то бишь, Суворову. И, вдруг, российский профессор Б. Соколов заявляет, что после публикации книги В. Суворова стало очевидным, что советское нападение на Германию готовилось одновременно с операцией «Барбаросса» (81).

В 2000 году тот же Резун появляется на канале НТВ в программе господина Киселева и вещает все о том же, что СССР собирался напасть на Германию. Его аргументы: в западные военные округа завезли сапоги, а это признак готовящегося наступления, и Советский Союз передвинул войска на новые границы. Но это было в порядке вещей, т.к. с присоединением территорий Западной Украины и Белоруссии, передвинулись и границы, что естественно требует и передислокации войск. Добавим, что нет необходимости говорить о том, что СССР был не готов не только к нападению, но и к обороне, что он еще не пережил шок от финской кампании, что армия еще нуждалась в перевооружении и т.д. Обратим лишь внимание на удивительный факт – немецкие военные историки опровергают этот домысел, а некоторые отечественные ученые, не имея никаких документальных доказательств, утверждают, что это – истинная правда. К сожалению, не успели спросить у Иосифа Виссарионовича, правда это, или нет, а сейчас с кого спросишь.

Другой домысел заключается в утверждении, что в потерях Советского народа в равной мере повинны и Сталин и Гитлер. Причем небезызвестный З. Бжезинский утверждает, что Сталин был большим убийцей, чем Гитлер (39). Эту версию уже в новом столетии пытается «оцифровать» некто Вадим Эрлихман (92, с. 137–138). Он в спра-

вочнике, насыщенном цифрами (судя по данным относящимся к СССР, эти цифры представляют собой историческое вранье) показывает, что вследствие нацистского террора в 1933–1945 гг. погибло 18.7 млн. человек (в СССР -9.7 млн.??), тогда как в СССР в 1917–1999 гг. – свыше 10 млн. В эту цифру включена и гибель заключенных (кстати уголовных в лагерях всегда было свыше 2/3), сюда же относятся потери с обеих сторон в гражданской войне, и гибель партизан (интересно, кого он к ним относит?) и т.д. Важно было показать, что цифры одного порядка, хотя относятся они к разному времени, к разным причинам и разному составу погибших.

Очевидно, если руководствоваться этой версией, то можно часть людских потерь в войне также списать на сталинские репрессии. Конечно, война сама многое списала. По данным американского исторического журнала в годы войны в сталинских лагерях погибло 1.1 млн. человек (50). Согласно архивным данным, введенным в научный оборот В.Н. Земсковым, в 1941–1945 гг. смертность в ГУЛАГе составила менее 0.6 млн. человек. (39. с. 175). Бессмысленно спорить, что в лагерях в военные годы умирало больше, чем в мирное время, так как и труд заключенных был более интенсивным, и питание ухудшилось, и т.д. Число умерших заключенных в 1942 г. было в 2.5 раза больше, чем в 1941 г., в 1943 г. – в 1.7 раза, но уже в 1945 г. оно составило всего 44%. (39. с. 175) Но ведь рост смертности происходил повсеместно, не только в лагерях, и вина тому – война. Кстати в “сталинских лагерях”, т.е. в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях, в годы войны в среднем содержалось примерно 1.6 млн. человек, из которых, еще раз отметим, лишь одна треть приходилась на политических заключенных (23). Остальные отбывали наказание за уголовные преступления, и их было столько же, сколько в современной России. Добавим, что в течение 1921–1953 гг. в стране были приговорены из числа политических заключенных к высшей мере наказания почти

800 тыс. человек (в том числе в 1937–1938 гг. -687 тыс.), что в 6 раз меньше, чем у господина Эрлихмана. (93. с. 34).

Бесспорно, на совести Сталина несколько миллионов загубленных жизней в результате репрессий и вызванного, прежде всего, коллективизацией голода. Он, несомненно, повинен и во многих жертвах, связанных с войной. Но ведь не будь войны – не было бы и жертв. Поэтому проводить знак равенства между Гитлером и Сталиным, это уравнивать в злодеяниях жертву и агрессора. Видимо наступит время, когда в отечественной науке и, что важно, в публицистике объективно воздадут за содеянное и Гитлеру, и Сталину. Но сегодня приходится апеллировать опять же к немецким ученым, которые считают недостойным проводить параллели между “Архипелагом Гулаг” и Аушвицем (14). К Освенциму можно добавить Майданек, Бухенвальд и сотни других фабрик убийства людей и промышленной переработки их останков. Одно дело безжалостное, но все же избирательное, отношение к собственным гражданам, – другое идеологически мотивированное уничтожение неугодных народов.

Наконец третий домысел сводится к тому, чтобы доказать, что огромные потери Красной Армии несопоставимы с потерями Вермахта, что СССР выстоял благодаря помощи по ленд-лизу, что основной вклад в разгром агрессора внесли союзники, а не советские вооруженные силы. Отсюда – преувеличение безвозвратных потерь Красной Армии и преуменьшение потерь Вермахта. Кстати, сразу же после войны людские потери Германии оценивались в 6.5 млн. человек, а уже на стыке веков – в 5.3 млн. (94, с. 971).

Сравнивая потери СССР и Германии, не надо забывать ту ситуацию, в которой началась война. На первом этапе войны Красная Армия в силу внезапности нападения и неподготовленности к обороне, понесла основные потери, но зато на заключительном этапе потери Вермахта были в 1.4 раза больше, чем советских вооружен-

ных сил. Советские пленные, захваченные в основном в 1941 г., безжалостно уничтожались, увеличивая общие потери. К концу войны погибло 3/4 военнопленных, что увеличило безвозвратные потери примерно на 3.4 млн. человек. Заметим, что в Первую мировую войну из 3.4 млн. военнослужащих русской армии, захваченных Германией и ее союзниками, домой вернулось свыше 94% (32. с. 62) В Великой Отечественной войне доля погибших военнопленных в безвозвратных потерях вооруженных сил СССР составила почти 40%. В отличие от этого, из советского плена вернулось 75% немецких военнопленных. Погибшие пленные составили лишь 14% всех потерь вермахта (30). Абсолютное число всех погибших немецких военнопленных в 7 раз меньше, чем советских. Это уже не неумение воевать, а геноцид.

История тех, кто не хочет, ничему не учит. Это относится не только к некоторым отечественным ученым, предметом исследований которых является Великая Отечественная война и, соответственно, людские потери в ней, но и к тем, кто затевает войны. Немецкий генерал Гудериан, познавший на собственном опыте уроки русской истории, пишет, что Карл XII вначале разгромил Петра I, а потом все закончилось полным поражением шведов. Победоносный марш Наполеона с армией в 617 тыс. человек в Россию с взятием Москвы, а ему противостояла вначале лишь трехсоттысячная армия русских, окончился полным фиаско (30). То же постигло и Гитлера. Он, имея превосходство во всем, включая и фактор внезапности, вначале добился выдающихся успехов – через 3 месяца после нападения немецкие войска стояли под Москвой (на всю компанию отводилось 4 месяца). А чем закончил фюрер? Самоубийством в собственном бункере в Берлине. Да, поучительна история государства российского. “Предсказать, как поведет себя Россия, – афористично заметил У. Черчилль, – невозможно. Это всегда загадка, больше того – головоломка, нет – тайна за семью печатями”.

Глава 1

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ МАСШТАБЫ ПОТЕРЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВОЙНЕ

Среди всех стран, участвовавших во второй мировой войне, Советский Союз понес наибольшие людские и материальные потери. Это отнюдь не является ни результатом того, что он был самой большой по численности населения страной в воевавшей Европе, ни следствием того, что ему пришлось вести активные боевые действия длительное время на собственной территории. Масштабы потерь, в первую очередь людских, обусловлены действием, по крайней мере, семи групп факторов.

Во-первых, Вторая мировая война, в отличие от всех предшествующих ей войн, отличалась высочайшим уровнем технологий и техники убийства людей. Это была война огромного количества моторов, брошенных на истребление населения. В боевых, а часто и карательных операциях, использовались десятки тысяч самолетов, бронетехники, мощных орудий и минометов, в массовом масштабе применялось автоматическое оружие. Только Германией за три года войны (1942–1944 г.) было произведено около 80 тысяч боевых самолетов, 49 тысяч танков и 69.6 тысяч орудий, большая часть которых использовалась на советско-германском фронте (71).

Применение всего этого арсенала убийств, если сопротивляющаяся сторона (государство, населенный пункт и т.д.) не капитулировала, вело к громадным потерям вооруженных сил и мирного населения. Как результат, и в большинстве стран, которые были оккупированы нацистами, и в Советском Союзе, единственном государ-

стве континентальной Европы, не побежденном фашистскими полчищами, гибли не только военнослужащие, но и большое количество гражданского населения. К примеру, только в течение одного месяца – августа, лишь в одном городе – Сталинграде в 1942 г. в результате массированных налетов фашистской авиации погибло свыше 40 тыс. человек гражданского населения. (39. с. 127).

Во-вторых, гитлеровская Германия, нападая на Советский Союз, стремилась не только захватить его территорию с людскими, природными и экономическими ресурсами, как это случилось с другими странами, но и преследовала главную, чудовищную по своему замыслу цель, истребить, как минимум, одну четвертую часть населения, проживавшего в европейской части советского государства. Это не идеологический штамп. Гитлер всегда достаточно ясно выражал свою ненависть к большевистскому режиму. Как пишет немецкий военный историк Г. Шрайбер, что бы ни делал Гитлер, "Советский Союз никогда не переставал быть объектом его милитаристских устремлений" (14. с. 16). Приведем выдержку из одного выступления Гитлера: "Мы должны развивать технику обезлюживания... под обезлюживанием... я имею в виду устранение целых расовых единиц... Я имею право устранить миллионы людей низшей расы" (79. с. 28). Это не случайное высказывание. Оно находится в полном согласии с его основными трудами. В "Майн Кампф" и позже во "Второй книге" Гитлер разъяснял, что расширение "жизненного пространства" для немецкого народа может произойти только за счет России (14). Директива Гитлера, относящаяся к славянским народам вообще, и советским людям в особенности, неукоснительно после вторжения в Советский Союз выполнялась службами гестапо и другими карательными органами. «Целью похода на Россию, – говорил Гиммлер в начале 1941 г., – является истребление славянского населения» (90. с.5).

Гитлеровская доктрина была положена в основу генерального плана “Ост”, которым предусматривалось уничтожить в течение нескольких лет 46–51 млн. русских и других славянских народов (79). Особое значение придавалось уничтожению таких крупнейших городов как Москва и Ленинград (14), в которых проживало 7–8 млн. человек. Москву планировалось окружить и стереть с лица земли, а Ленинград – уморить голодом (финны предлагали затопить).

Оккупация советской территории сопровождалась созданием концлагерей, как это имело место в других частях покоренной Европы. Но уничтожение в них славян, прежде всего, (как, впрочем, и евреев), являлось идеологической харизмой нацистского режима. Этим объясняется тот факт, что, с одной стороны, немцы отпускали домой военнопленных, например, из Голландии, Греции и ряда других стран, позволяли получать посылки и почту пленным из армий западных государств, а с другой стороны, методически уничтожали советских пленных. Так, из 3.4 млн. советских солдат и офицеров, попавших в плен в 1941 г., согласно немецким источникам погибло 2 млн. Ежедневно в концлагерях расстреливалось и погибало до 6 тысяч советских военнопленных (10). По другим данным к концу 1941 г. немцами было взято в плен 3.9 млн. советских военнослужащих, из которых к февралю 1942 г. остался 1 млн. Согласились служить в полиции и вспомогательных подразделениях Вермахта – 280 тыс., а остальные 2.6 млн., видимо, погибли (13). Из числа попавших в плен лишь каждый пятый дождался конца войны (65).

К сожалению, до сих пор иногда встречаются рассуждения о том, что гитлеровцы уничтожали советских пленных потому, что СССР не подписал Женевскую конвенцию, регламентирующую обращение с пленными. Но это ничто иное, как издевательство над павшими. Фашисты игнорировали эту конвенцию также, как и ранее, придя к власти, пренебрегли при молчаливом согласии руково-

дителей стран бывшей Антанты Версальскими соглашениями. Более того, Гитлер, будучи тонким политическим психологом, учитывал то, что его западные противники значительно больше ненавидят государство с большевистским режимом, чем нацистскую Германию. Вступление Вермахта в демилитаризованную Рейнскую область, создание союза держав “оси”, аншлюс Австрии, Мюнхенские соглашения о разделе Чехословакии и т.д. – все это поощрялось с целью направить Гитлера на восток. Да и разгром в 1939 г. Польши, по свидетельству гитлеровского генерала Йодля, допустили Франция и Англия. Им очень хотелось дать возможность Гитлеру устремиться на Россию (10). Правда, вскоре все стало иначе. К моменту нападения гитлеровских полчищ на СССР, смертельная опасность была уже реальностью для Великобритании. Поэтому самый выдающийся государственный деятель этой империи в XX веке и, вместе с тем, один из самых ярых противников и инициаторов интервенции против Советской России У. Черчилль, вынужден был заявить: «Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...» (11. с. 144) Это высказывание было в русле общей позиции с США. О ее истинном смысле уже в начале войны, проговорился в то время еще только вице-президент, Г. Трумен: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом, пусть они убивают как можно больше...» (27. с. 27) Этим объясняется не только столь длительная затяжка с открытием «второго фронта», но и то, что с окончанием войны, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции, сразу же обрели прежнее лицо. Достаточно вспомнить знаменитую речь У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г., положившую начало «холодной войне». Эта речь была произнесена с согласия новых к тому времени руководителей США и Великобритании.

В-третьих, масштабы людских потерь во многом связаны, и это относится не только к Советскому Союзу, с объективными факторами. Прежде всего, агрессор всегда имеет ряд преимуществ, одно из которых – внезапность, особенно если агрессивные намерения замаскированы соглашениями о ненападении. Захватив Польшу, Германия вышла на границы с СССР. Чуть раньше, как замечает Г. Шрайбер, “Гитлер заключил со Сталиным договор против Советского Союза” (14. с. 19). Все это обеспечило внезапность, которая позволила сосредоточить огромные силы в приграничных районах. Так, нападая без объявления войны на СССР, фашисты смогли на ряде направлений сконцентрировать силы, превосходящие части Красной Армии в 3–4 раза. В первые два дня после нападения, фашисты получили полное господство в воздухе, выведя из строя прямо на аэродромах, по немецким источникам, несколько тысяч (30), по советским данным – около 900 самолетов (11. с. 59). Следует подчеркнуть, что в 1941 г. безвозвратные потери советских войск составили 98.9% к среднемесячной численности военнослужащих. В первые шесть месяцев боев без вести пропало почти 3 млн. человек из 5 млн., приходящихся на все годы войны (39).

Фашистская армия в отличие от армий тех стран, включая и СССР, которые стали жертвами агрессии, была не только полностью укомплектована и вооружена, но, что особенно важно, начиная с 1935 г., приобрела большой опыт успешных боевых действий, обладала, проверенным на Балканах, во Франции и других европейских странах, искусством маневренной войны, использованием в оперативных целях подвижных соединений и применением авиации для поддержки сухопутных войск (30). К этому надо добавить, что в результате молниеносного разгрома Польши, Югославии, Франции и т.д., у немецкого солдата появилось чувство победителя, его морального превосходства над поверженным противником.

В-четвертых, СССР противостояли не только людские и материальные ресурсы гитлеровской Германии, но и ресурсы практически всех покоренных к тому времени стран Европы. Вместе с Германией против СССР воевали Венгрия, Румыния, Финляндия, Италия. По сути, фашистами использовался почти весь природный и экономический потенциал материковой Европы. К тому же в войсках агрессора были добровольцы из Испании, Швеции, Дании, Франции, Бельгии, Голландии и ряда славянских стран. В течение войны на советско-германском фронте гитлеровцами было задействовано 560 немецких дивизий (на западном фронте –207) и 85 бригад (соответственно -46). Кроме того, против Советского Союза воевали 141 дивизия и 60 бригад из Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Испании и Словакии (39. с. 71). За годы войны в вооруженные силы Германии было призвано 1.8 млн. граждан других стран, включая представителей всех республик бывшего Союза (39). На стороне Германии воевали национальные “восточные” легионы: Туркестанский, Азербайджанский, Грузинский, Армянский, Северо-Кавказский и Волго-Уральский. Только из представителей кавказских народов было создано почти 50 батальонов, с численностью до тысячи человек в каждом. Сюда же следует добавить 8 батальонов крымских татар и Калмыкский кавалерийский корпус (13). Численность крымских татар, воевавших на стороне нацистов, достигала 20 тысяч человек. Кроме того, был еще и казачий корпус, состоящий из трех полков (65). К 1944 г. на стороне немцев было 200 пехотных батальонов из русских, украинцев и других народов Советского Союза (13). Только в армии Власова насчитывалось 800–900 тысяч человек.

В-пятых, огромные размеры людских потерь во многом обусловлены преступной деятельностью Сталина и его клики; стратегическими просчетами, допущенными накануне войны; упорным нежеланием считаться с реалиями войны, особенно на ее первой стадии.

Репрессии, принявшие массовый характер во второй половине 30-х годов, не обошли стороной и армию. Так, с мая 1937 по сентябрь 1938 года было репрессировано около 40 тысяч командных кадров (67). Чистки затронули 65% высшего офицерского состава Красной Армии (14). Среди них 3 маршала из 5, имевшихся в то время, все командующие военными округами, были репрессированы многие видные военные деятели и герои гражданской войны. Армия оказалась без командиров всех корпусов, почти всех дивизий, половины полков и т.д. Всего репрессии затронули пятую часть офицерских кадров. (11. с. 40). В числе репрессированных, а с началом войны освобожденных (примерно одна четверть их общего количества), оказались будущие маршал К.К. Рокоссовский, генерал армии А.В. Горбатов и другие.

Ко времени нападения Германии на СССР высшие командные кадры составляли либо выдвиженцы, которые, не получив соответствующего военного опыта, перескочили несколько должностей и званий, либо оставшиеся командиры и комиссары, профессионализм которых сохранился на уровне гражданской войны. О воинской подготовке командных кадров накануне войны говорят следующие факты. К началу 1940 г. примерно 70% командиров дивизий и полков работали в этих должностях менее года (11. с. 40). Проверка боевой подготовки, проведенная в декабре 1940 г., т.е. за полгода до начала войны, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 окончили военные училища (13). Накануне войны лишь 7% кадрового командного состава окончили военные академии, а 16% не имели даже полного среднего образования. (39. с. 80). Ни одна армия в мире не оказалась в таком плачевном состоянии как вооруженные силы СССР. “Подобные потери не единжды в истории имели своим следствием полный военный разгром”, – отмечается в фундаментальном труде “Вторая мировая

война”, подготовленном исследовательским институтом Министерства обороны ФРГ (14, с. 462).

Приобретение Красной Армией опыта современной войны сопровождалось огромным числом погибших и попавших в плен. В основном это те, кто оказывался в «котлах» из-за упрямства Сталина удерживать любую позицию любой ценой, а также неумелого руководства со стороны многих, если не большинства командиров. Вот некоторые примеры из немецких источников. При этом не надо забывать, что во время войны всегда преувеличиваются потери противника и занижаются собственные. Германская армия захватила в плен в кольце Минск-Гродно 300 тыс., в районе Умани – свыше 100 тыс., в Смоленском котле – 350 тыс., в Киевском котле – свыше 600 тыс., под Вязьмой – 663 тыс., в Крыму, включая Севастополь – 250 тыс., южнее Харькова – 240 тыс. и т.д. (71). Только в перечисленных «котлах» в первый год войны в плен попало 2.7 млн. человек.

Сталин, идя на заключение с фашистской Германией пакта о ненападении, не совершил ошибки, но допустил огромный стратегический просчет. По свидетельству А. Микояна, И. Сталин был знатоком Бисмарка и полагал, что Гитлер будет следовать принципам великого канцлера и не отважится, как это было в Первой мировой войне, воевать на два фронта (14). Естественно поэтому, Сталин считал, будто у Советского Союза имеется еще несколько лет в запасе. Отсюда – и не укомплектованность частей, не укрепленность новых границ, медленное переоснащение войск современными видами вооружения, такими, например, как танки Т-34 или штурмовики ИЛ-2. Подобная техника только осваивалась, тогда, как войска были оснащены устаревшими, по сути непригодными к условиям современной войны, танками, самолетами и т.д. Так половина всех танков имела на вооружении только пулеметы. В западных округах, например, полностью боеспособными были только 27% танков

старых типов, 25 авиадивизий находились еще в процессе формирования и т.д. (14)

Захватив Польшу, немцы стали интенсивно осуществлять разведку приграничных районов СССР. Вместо того чтобы пресекать нарушение воздушного пространства страны, прислушаться к информации, поступающей от разведки, Сталин требовал от командующих округами и пограничных войск не поддаваться провокациям, боялся провести мобилизацию и начать перестройку работы промышленности, что могло быть сделано, как показал опыт первых месяцев войны, в кратчайшие сроки. Даже располагая сведениями о начале нападения на СССР, им не был отдан приказ о приведении войск в боевую готовность. Потери могли быть значительно меньше. Это доказали действия военно-морского флота, командующий которым – адмирал Н.Г. Кузнецов оказался даже в условиях сталинского режима смелым и инициативным человеком. Так, еще в марте 1941 г. нарком ВМФ Кузнецов, вопреки запретам Сталина, дал указание морским силам открывать огонь по иностранным самолетам, которые все чаще стали появляться над пунктами базирования флота. Он, по сути, уберег флот от первого удара.

В-шестых, в Советском Союзе, как, впрочем, и в Российской Империи, да и в современной России, человеческая жизнь никогда не ценилась. Времена Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, любившего смотреть фильмы о первых двух, ничем не отличаются с точки зрения безжалостного истребления человеческих ресурсов. В Великой отечественной войне, как и в большинстве прошлых, да и современных локальных войн, умение воевать подменялось использованием огромных людских масс. Так победа над Наполеоном далась огромной кровью: французы потеряли шестисоттысячную армию, а русские почти 2 млн. человек, включая ополченцев и мирных жителей (29).

В годы Великой отечественной войны было мобилизовано более 31 млн. человек. Это треть всего мужского населения страны (39). Наличие огромных людских масс и отсутствие ответственности за их жизнь объясняют проведение неподготовленных штурмов населенных пунктов и высот, взятие больших городов обязательно к памятным датам. К безответственному отношению к собственным вооруженным силам можно отнести и оказание помощи союзникам в Арденнах, хотя советские войска не были еще готовы к наступлению. Такой шаг был сделан, несмотря на то, что Сталин и его окружение прекрасно понимали, что те же союзники не открывали второй фронт, с тем, чтобы сохранить собственные ресурсы и измотать силы Советского Союза и Германии. Подобное уже было в нашей истории, когда российские императоры, пренебрегая национальными интересами, посылали русские армии для оказания помощи своим царственным родственникам в Европе. Следует еще добавить соревновательный зуд маршалов, спорящих о том, кто первым войдет в Берлин, спешное взятие Рейхстага, который можно было просто стереть с поверхности земли, и многое другое. Конечно, легко оценивать исторические события. Они никогда не проходят без ошибок и даже преступных действий их амбициозных режиссеров. Никто от этого не застрахован. Но все дело в количестве ошибок и трагизме их последствий.

В-седьмых, людские потери Советского Союза были бы намного меньше, поведи себя армия и гражданское население так же, как это было в большинстве покоренных гитлеровцами странах. Напав на Советский Союз, Гитлер не получил молниеносной победы, подобной тем, которые он одержал в остальных странах материковой Европы. Так, Польшу он захватил за три недели (потери Германии составили 10.6 тыс. убитыми и 30.3 тыс. ранеными), Францию – за 4 недели, взяв в плен 2 млн. французов (почти 5% населения

страны). Югославия пала за 12 дней с ее армией в 1.4 млн. человек. Греция продержалась 2 месяца (30).

Нападая на СССР, Гитлер рассчитывал закончить войну в 4 месяца. Однако продлилась она почти 47 месяцев и не с тем финалом, который представлялся в первые месяцы войны. Все страны, на которые напала Германия, по словам К. Типпельскирха, не смогли ей противостоять, как будто подтверждая тезис выдающегося военного деятеля Германии XIX века Мольтке о том, что “ошибка, допущенная в первоначальной расстановке сил, едва ли может быть исправлена в ходе всей войны” (30, с. 71). СССР опроверг эту истину, несмотря на огромное число погибших и пленных, захваченных в первые недели и месяцы войны. Заметим, что за время Второй мировой войны общее число пленных, если верить архивным данным ФРГ, составило около 35 млн. человек. На долю Советского Союза приходится 16.3%. В это же время доля СССР среди погибшего населения всех воевавших стран составляет почти половину, а среди военнослужащих примерно четверть. Несмотря на все неблагоприятные причины в плену оказалось менее 3% населения Советского Союза или 5.7 млн. человек, из которых 0.5 млн. бежали (14). Многие из них продолжили борьбу с фашистами.

За исключением Югославии, народ которой оказал захватчикам ожесточенное сопротивление, а потому и не досчитал к окончанию войны 11% своей довоенной численности, все остальные страны, как принято нынче выражаться, “цивилизованно” капитулировали и потому особенно не пострадали. По отношению к довоенной численности в Бельгии погиб 1% населения (военнослужащие и гражданские), в Голландии – 2.4%, в Греции – 2.2%, в Норвегии – 0.3%, во Франции -1.4% и в Чехословакии -2.4%. Дания практически обошлась без потерь, а в Польше, хотя и погибло 12.4% населения, но это во многом связано с массовым уничтожением евреев, проживавших в этой стране (30).

Из-за внезапного нападения на хорошо разведанные районы в первые же часы было дезорганизовано управление советскими войсками. Многие соединения в результате быстрого прорыва оборонительных рубежей были окружены и уже в первые дни войны уничтожены и взяты в плен. Тем не менее, врагу повсеместно оказывалось упорное сопротивление. Достаточно сказать, что только в первый месяц войны было сбито 1300 немецких самолетов (71). Столь же масштабно уничтожалась другая техника и живая сила противника. Легендарная Брестская крепость – не единственный пример стойкости советского солдата в начале войны. Оборона Ленинграда, Сталинграда, Севастополя и многих других городов и сел – все это вело к огромным жертвам, но вместе с тем и ковало будущую победу. Стойкость советского солдата по достоинству оценена и гитлеровскими генералами. “Русский солдат, – отмечает генерал-полковник Г. Гудериан, – всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью” (30, с. 133). А вот что говорит генерал пехоты Типпельскирх: “Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении” (30, с.74). Добавим сюда также массовое партизанское движение, подпольную борьбу, ополчение, состоящее из плохо вооруженных и неподготовленных к войне людей. Считается, что в народном ополчении было около 2-х млн. человек (10). От 1.3 до 2-х млн. советских людей сражались в партизанских отрядах и подполье (32, 39). Многие из них погибли, внося свой вклад в общее дело победы над фашизмом. Против фашистов боролись и военные и гражданские, и мужчины и женщины, и взрослые и дети. И очень точно подметил А. Соколов, что если со стороны Германии война велась на уничтожение, то со стороны СССР – шла борьба за выживание (39). Вот уж, по истине, в России искусство выживания принадлежит народу!

Очевидно, что жертв среди военнослужащих, партизан, ополченцев и вообще мирного населения было бы меньше, не будь преступных ошибок Сталина и его окружения. Но гражданское население и армия боролись за выживание, за свое отечество, возможно не совсем ласковое, но все же родное, и потому выстояли и принесли освобождение народам Европы от гитлеровского нацизма. Цена победы над фашизмом помимо огромного материального ущерба – многомиллионные людские потери.

Глава 2

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ СССР

Различные оценки людских потерь Советского Союза высказывались уже в годы Великой отечественной войны. Со времени ее окончания до настоящего времени сделано множество оценок, как в России, так и за рубежом. Диапазон их достаточно велик. Потери определяются от 7 до 46 млн. человек. В таблице 1.1. сведены далеко не все оценки потерь СССР в Великой отечественной войне. Вначале несколько необходимых комментариев к данным, приводимым в таблице. Так, оценка потерь, выполненная Б. Соколовым в 1991 г., страдает арифметическими погрешностями. Его оценка потерь гражданского населения составляет около 15 млн., а потери вооруженных сил равны 14.7 млн. В этом случае общие потери никак не могут быть 29.4 млн. человек (81, с.12–14)

Таблица 1.1

**Оценки людских потерь Советского Союза
в Великой отечественной войне (млн. человек)**

Общие потери	Год публикации	Автор оценки	Источник
Около 7	1946	И. Сталин	26
16.2	1946	Лоример	50
19.6	1948	Тимашев	50
20	1957	Г. Арнтц	30
14.7	1958	Бирабен	50
25	1959	Исон	50
20	1961	Н. Хрущев	62
Более 20	1965	Л. Брежнев	8
24.5	1977	С. Максудов	50
26-27	1988	А. Кваша	80
30	1988	Л. Рыбаковский	54
26-27	1988	А. Самсонов	34
21.3	1988	Б. Соколов	82
26-27	1989	Ю. Поляков	63
27-28	1989	Л. Рыбаковский	74
44	1990	И. Курганов	3
46	1990	С. Иванов	59
26.6	1990	Е. Андреев*	2
26	1990	Э. Шеварднадзе	66
27	1990	М. Горбачев	25
26-27	1991	А. Самсонов	33
29.4	1991	Б. Соколов	81
35-37	1991	О. Лебедев	12
27.7	1991	А. Шевяков	90
21.8	1992	В. Елисеев, С. Михалев	21
29.5	1992	А. Шевяков	91
26.549	1995	Б. Ельцин	72
21.7-23.	1995	А. Соколов	39

Общие потери	Год публикации	Автор оценки	Источник
26	1996	П. Полян	65
23.568	1997	С. Михалев	42
26.452	1997	Б. Ельцин	42
43.3	1998	Б. Соколов	83
26.5	2004	В. Эрлихман	92
27	1996	Б. Харенберг	94

* Его соавторы – Л. Дарский и Т. Харькова. В дальнейшем фамилии этих авторов заменены аббревиатурой – АДХ.

Если цифру потерь в 35–37 млн. человек можно оспаривать, то навряд ли нуждаются в опровержениях оценки людских потерь, определяемые в 44, 46 и более млн. Первая оценка, принадлежащая И. Курганову, выполнена методически не верно. Она получила аргументированную критику, как в зарубежной, так и отечественной печати (4). Еще менее заслуживает внимания цифра 46 млн. человек. Ее автор – С. Иванов утверждал, что потери мирного населения составили 24 млн., а всего 46 млн. (59).

Такие же цифры называет чуть раньше В. Кондратьев (38). Эти и подобные им оценки носят явно спекулятивно-тенденциозный характер. Они были подвергнуты обстоятельной критике академиком А. Самсоновым (68).

В 1998 г., спустя 8 лет после последней (межведомственной) оценки людских потерь (26–27 млн.) и ее официальном озвучивании, вновь появилась цифра 43.3 млн. Она получена Б. Соколовым, путем вычитания из численности населения в июне 1941 г. (209.3 млн.) численности населения в мае 1945 г. (166 млн. человек). Обе цифры, как замечает автор, вычислены им самим (83). Конечно, при желании, можно «вычислить» цифру потерь еще большую, если слегка, ну скажем, миллионов на десять зависить довоенную чис-

ленность населения, а послевоенную соответственно занизить. Все ж таки, какие возможности для фантазии!

Остальные оценки находятся в границах здравого смысла. Оценки западных ученых колеблются в интервале 16.2–25 млн. человек. За исключением данных С. Максудова все они были получены до того, как была проведена первая послевоенная перепись населения СССР. И эти оценки оказались более реалистичными, чем те, которые делались в Советском Союзе вплоть до конца 80-х годов. Причина этому – не в разном уровне профессионализма западных и отечественных ученых, а в том, что в СССР идеологически значимые сведения могли увидеть свет лишь тогда, когда их озвучивали руководители советского государства. Цензура вплоть до 1987 г., а для научной литературы и чуть позже, строго следила за тем, чтобы в печати не появилась цифра людских потерь, превышающая официальную – “более 20 млн.”. Именно этим объясняется, что с 1946 по 1990 г. оценка людских потерь менялась 4 раза в сторону увеличения и всегда авторами новых цифр выступали генеральные секретари – И. Сталин, Н. Хрущев, Л. Брежнев и М. Горбачев. После этого ученым дозволялось интерпретировать опубликованную цифру. Какова подоплека этих оценок?

Официально первая цифра военных потерь появилась в 1946 г. И. Сталин в интервью, как всегда, безымянному корреспонденту газеты “Правда” заявил: “В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу – около семи миллионов человек” (26). Сталин, как известно, был величайшим фальсификатором, но здесь он превзошел самого себя. Еще раньше, в ноябре 1941 г. Сталин заявил, что за 4 месяца наши потери составили 350 тысяч и, кроме того, без вести пропало 378 тысяч человек (какая точность, повторенная много позже Б. Ельциным!). В это же время немцы потеряли убитыми, ранеными и

взятыми в плен более 4-х млн. человек (85). Явно подсчеты вел советский ученик Геббельса.

Согласно немецким источникам потери Германии к тому времени составляли 270 тыс. человек (36). Давая оценку этой фальсификации, В. Карпов замечает, что за прошедшие месяцы боев только взятых в плен было свыше 3-х млн. (24) Это, не считая убитых военнослужащих и уничтоженного мирного населения. В какой-то мере эту сталинскую ложь можно оправдать. Шел первый год войны, армия отступала, неся огромные потери. Нужно было хоть таким путем поддерживать моральный дух населения, тем более что во время войны всегда одна сторона преувеличивает потери другой. Да и признаться, что страна стоит на краю пропасти, великий кормчий не мог, да и, по правде говоря, не имел права.

Другое дело, когда окончилась война и притом победоносно. Здесь фальсификация была обусловлена необходимостью скрыть собственные ошибки и преступления и возвеличить свой военный гений, как, никак, он – полководец всех времен и народов. К тому же в 1946 г. уже были известны потери Германии. В этой стране сразу после войны возникла огромная заинтересованность в выявлении числа выживших и погибших. Этим объясняется и проведение в 1946 г. переписи населения, кстати, следующая была – в 1950 г. В 1947 и 1950 годах была осуществлена регистрация военнопленных и пропавших без вести. Кроме того, был проведен учет перемещенных лиц (13). На базе полученной информации людские потери оценивались в 6.5 млн. человек (30). В более поздних оценках эта цифра была снижена до 5 млн. 250 тыс. человек (94).

В СССР к марту 1946 г. были завершены подсчеты потерь мирного населения, осуществлявшиеся созданной в ноябре 1942 г. Чрезвычайной Государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний фашистских агрессоров и причиненного ими ущерба (далее – ЧГК). Согласно данным, полученным А. Ше-

вяковым в результате обработки архивных материалов, на оккупированных территориях было уничтожено 11.3 млн. мирных граждан. Кроме того, погибло пленных 4.9 млн. человек (39, 91). П. Полян, ссылаясь на данные ЧГК, отмечает, что на оккупированной территории мирного населения и военнопленных погибло примерно 11 млн. и вывезено на восточные работы 4 млн. человек (65).

Несомненно, что Сталин знал результаты работы ЧГК, зафиксировавшей гибель не менее 11 млн. мирных граждан. Знал он и о потерях вооруженных сил, в том числе об убитых и погибших в плену, знал и о количестве оstarбайтеров, угнанных и вернувшихся в СССР. И, тем не менее, он называет цифру потерь, которая не на много превышает потери фашистской Германии. Что об этом сказать. Можно лишь вспомнить изречение Наполеона – ложь как в военном бюллетене!

Эта оценка людских потерь в войне в Советском Союзе продержалась 15 лет, причем 8 лет уже после смерти Сталина. Новая цифра была названа Н. Хрущевым в письме премьер-министру Швеции. «...германские милитаристы развязали войну против Советского Союза, которая унесла два десятка миллионов жизней советских людей» (62, с.8). Откуда Н. Хрущевым взята эта цифра, трудно сказать. Но определенную версию можно высказать.

В 1957 г. в СССР была опубликована книга немецких авторов “Итоги второй мировой войны”. Среди статей этого сборника была и работа профессора Г. Арнтца, посвященная людским потерям во Второй мировой войне. Г. Арнтц отмечал, что данные о потерях СССР засекречены. Но это не специфика СССР. Практика засекречивания потерь в войнах принята во многих странах. Г. Арнтц в указанной работе говорит, что в разных источниках приводятся сведения о потерях СССР в войне от 7 до 40 млн. человек. Им самим дана оценка людских потерь Советского Союза в войне, равная 20 млн. (30). Трудно сейчас сказать, почему цензура пропусти-

ла в переводной работе эту, расходящуюся с официальной точкой зрения, цифру: по оплошности или со специального разрешения. Но факт остается фактом. И не важно, читал или нет Н. Хрущев эту книгу, важно, что ее прочитали те, кто ему об этом мог доложить. Как только был разоблачен культ личности Сталина, Н. Хрущев осмелился отступить от табу на величину людских потерь Советского Союза. Стоит добавить, что к этому времени уже была проведена перепись населения. В 1959 г. численность населения оказалась больше, чем в довоенном 1940 г. всего на 14.7 млн. человек. Опубликованные к тому времени показатели естественного прироста населения для первой половины 50-х годов (средний коэффициент естественного прироста составил 17‰) свидетельствовали, что в стране только за 1951–1955 г. численность населения возросла на 9–10 млн. человек (45). Но ведь прирост населения был и в 1946–1950 г., не говоря уже о 1956–1958 годах. В целом естественный прирост населения в 1946–1958 гг. составил примерно 38–41 млн. человек. Поэтому цифра в 20 миллионов погибших хоть как-то соответствовала величине естественного прироста в послевоенные предпереписные годы.

Таким образом, появившаяся в печати в 1957 г. цифра потерь в 20 млн. человек, или публикация данных о естественном движении и результатах переписи населения 1959 г., а возможно то и другое сыграли свою роль. Оценка людских потерь была изменена. И уже в статистическом ежегоднике за 1961 г. приводится не только новая оценка, но и цитируется отрывок из письма Н. Хрущева (46). После снятия Н. Хрущева с занимаемых им государственных постов цитирование в статистических ежегодниках прекратилось. Однако упомянутая оценка и цитата успела прозвучать не только в статистических ежегодниках за 1961 и 1962 годы, но и в журнале «Международная жизнь». И потому вызывает удивление, что в современной демогра-

фической, да и исторической литературе, оценка людских потерь, высказанная Н. Хрущевым, часто трактуется не точно.

Порой Н. Хрущеву приписывают формулу «свыше 20 млн. человек». Причем это делали даже такие серьезные исследователи как профессора В. Козлов и А. Кваша, причем последний удивляется тому, что часто забывают, говоря о потерях, писать “более” (32). Не избежал этой оплошности и С. Максудов в статье специально посвященной оценкам потерь Советского Союза в войне (50). Более того, аналогичную ошибку допускают даже представители официальной статистической науки (51). И не надо думать, что внесенные нами поправки – это “ловля блох” в чужих работах. Нет, это лишь восстановление точности и если угодно, исторической справедливости, поскольку назвать цифру 20 млн. было намного труднее, чем сделать последующие оценки.

Цифра 20 млн. не просуществовала и 4-х лет, причем понадобилось менее 7 месяцев, чтобы после отставки Н. Хрущева, внести изменение в величину людских потерь Советского Союза. Сделано это было Л. Брежневым, который по случаю двадцатилетия победы в Великой Отечественной войне сказал, что “война унесла более двадцати миллионов жизней советских людей” (8). Если после письма Н. Хрущева шведскому премьеру в статистических ежегодниках “Народное хозяйство СССР” наши потери определялись как “два десятка млн. человек”, то после выступления Л. Брежнева в последующих статистических изданиях ЦСУ СССР стало фигурировать “более 20 млн.” Эта, очень удобная цифра продержалась до конца 80-х годов, т.е. 25 лет.

С началом перестройки и ее основного достижения, гласности, потребовалось примерно три года, чтобы в печати появились новые цифры людских потерь СССР в минувшей войне. Еще в 1987 г. цензура не разрешала публиковать цифры потерь, отличные от “более 20 млн.”. Лишь в 1988 г. стали появляться другие цифры. В

частности, в книге, посвященной населению страны за 70 лет, людские потери были оценены в 30 млн. человек (54). В 1988 – 1989 г. на страницах газет появляется и цифра людских потерь, равная 26–27 млн. человек. Ее авторы – историки А. Самсонов, Ю. Поляков, и демограф А. Кваша.

Однако инициатором изменения официальной величины людских потерь в войне явилось Министерство обороны. Оно в декабре 1988 г. направило в ЦК КПСС записку о потерях личного состава вооруженных сил СССР во время Великой отечественной войны. Все безвозвратные потери были определены в 8668,4 тыс. человек (69). В январе – феврале шло обсуждение этого вопроса в ЦК КПСС. В нем участвовали М. Горбачев, Е. Лигачев, Н. Рыжков и другие члены Политбюро. В выступлении А. Яковлева прозвучало: “Считаю этот вопрос очень важным и очень серьезным со всех точек зрения” (69). Кстати, А. Яковлев вместе с Э. Шеварднадзе выступили против обнародования этих данных. Генеральный штаб сам опубликовал в 1990 г. выполненные расчеты о потерях вооруженных сил.

Из обсуждения в ЦК КПСС вопроса о людских потерях стало ясно, что потери вооруженных сил надо дополнить потерями гражданского населения (расчет должен был выполнить Госкомстат СССР) Но затем было принято Постановление ЦК КПСС (совершенно секретное!) о том, чтобы поручить Госкомстату, Министерству обороны и АН СССР с привлечением заинтересованных ведомств и общественных организаций сформировать временный научный коллектив (ВНК) для уточнения потерь военнослужащих и гражданского населения (69). В состав этого ВНК в соответствии с ведомственными распоряжениями вошли 4 человека от АН СССР, 4 человека от Госкомстата и его научного подразделения, один – от Генерального штаба, один – от Московского государственного уни-

верситета и один – от ЦГАНХ. ВНК работал в марте-апреле 1989 г. почти еженедельно, споря о цифрах потерь и методах их счета.

Столь подробно пишется о создании ВНК, его составе и характере работы потому, что, к сожалению, в научной литературе все это безбожно искажено. Так, А. Кваша пишет, что ВНК работал в 1988–1989 гг. (31), хотя как сказано поручение ЦК КПСС было принято к началу марта 1989 г., Г. Кривошеев считает, что в состав ВНК входили представители Госкомстата и Центра по изучению проблем народонаселения МГУ. Хорошо хоть людские потери названы правильно – 27 млн. (17, с. 128). А вот еще лучше: «Комиссия существовала достаточно долго и в итоге, после некоторых обсуждений, приняла нашу оценку потерь» (1, с. 10). Это пишут представители НИИ Госкомстата, утверждая, что именно их ведомству поручили подготовить расчеты потерь. Дело в том, что работники Госкомстата и его научного подразделения отстаивали величину потерь, равную 25 млн. человек. Лишь в связи «форс-мажорными» обстоятельствами они свою оценку в 26.6 млн. человек уложили в вилку – 26–27 млн., озвученную партийными лидерами.

И последнее. Предполагалось, что после того как ВНК завершит работу, будет опубликовано коммюнике, в котором будет дана новая согласованная оценка людских потерь в войне, подписанная членами временного научного коллектива. Этого не произошло. Даже руководители государства (и коммунистической партии в том числе) выступили спустя год с разными оценками людских потерь – М. Горбачев назвал цифру 27 млн., а Э. Шеварднадзе – 26 млн. Что уж говорить о простых смертных. И вот в 1991 г. Б. Соколов определяет потери мирного населения в 14.9 млн., а военнослужащих – в 14.7 млн. Его суммарная цифра равна 29.6 млн. человек (81). А. Шевяков потери гражданских лиц в 1991 г. считает около 19 млн. (90), что вместе с военнослужащими составляет 27.7 млн., а в 1992 г. он же увеличивает гражданские потери до 20.8 млн. и, соответствен-

но, общие – до 29.5 млн. (91). А. Самсонов в 1991 г. приводит цифру потерь в 26-27 млн. (33), АДХ определяют людские потери в 26.6 млн. человек (28) и т.д. У каждого своя оценка и, конечно, своя правда.

Подобно предыдущим лидерам, Б.Ельцин также внес лепту в установление людских потерь, нет, не России, а Советского Союза и притом сделал это дважды. Понятно, что не он сам, а ему считали, скорее всего, в Госкомстате. Во-первых, цифра дана с «огромной степенью точности», до нескольких тысяч человек (26549 тыс.) и, во-вторых, поскольку Президент сказал, что хотя это последние уточненные данные, но мы не считаем их окончательными, работа была продолжена и к следующему юбилею победы цифру «уточнили» до 26452 тыс., притом не на миллион или хотя бы на несколько сот тысяч, а снизили людские потери ровно на 97 тысяч человек. Располагая некачественной и неполной информацией, получать аптекарски точные результаты, можно только обладая мудростью российских статистиков! Глубоко прав был Дизраэли, говоривший, что есть ложь, гнусная ложь и статистика. Добавим, ещё и политика.

Глава 3

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ СТРАНЫ

До окончания Второй мировой войны, т.е. во время продолжавшихся боевых операций, отсутствовали условия для оценок общих людских потерь. В это время учитывались в основном потери вооруженных сил, и подсчитывался оставшийся мобилизационный потенциал. Причем воюющие стороны, как уже говорилось, были склонны, подобно и времени прошлых войн, занижать собственные потери и завышать потери вражеской стороны. Выше при-

водилась дезинформация, с которой выступил Сталин, подводя итоги 4-х месяцев войны. К этому можно добавить, что, например, в мае 1942 г. южнее Харькова Красная Армия потеряла около 230 тыс. погибшими и захваченными в плен, а Совинформбюро сообщило, что потери составили до 5 тыс. убитых и 70 тыс. пропавших без вести (13). Нацистские сообщения о потерях и победах не менее лживы, чем сообщения Совинформбюро. Так, согласно немецкому источнику, в сражении за Киев германские войска захватили в плен 665 тыс. человек (30). Однако по советским данным к началу киевской операции фронт имел 677 тыс. человек, часть из которых вырвалась из котла, часть погибла и примерно треть попала в плен (11). Лжеинформация со стороны Германии возросла, когда она стала терпеть поражения. Поэтому объективно оценить людские потери можно только по завершении войны. Но и для этого нужны определенные условия.

Насколько нам известно, оценки общих потерь Советского Союза до завершения войны публиковались в прессе лишь в Великобритании и США. Заметим, что сделанная в то время оценка потерь в 30 млн. человек, не столь уж сильно отличалась от тех расчетов, которые производились в конце 80-х годов в России. Как уже отмечалось, оценки людских потерь Советского Союза в послевоенные годы менялись несколько раз в сторону увеличения. Потери Германии также пересчитываются до сих пор. Известны цифры – 6.5 млн. общих потерь (30), 6.2 и 6.0 млн. (39), 5.95 млн. (83), 5.2 млн., 5.7 млн. и 8.6 млн. (13). Заметим, что аккуратные немцы считают, что в настоящее время данные об общих потерях ненадежны, даже потери Вермахта до сих пор уточняются (13).

Наличие различных оценок людских потерь для тех стран, на территории которых проходили военные действия, объясняется тем, что во время боев очень трудно, а порой и невозможно подсчитать количество погибшего гражданского населения. Не всегда удает-

ся зафиксировать безвозвратные потери военнослужащих. Погибшие и живые, пленные и дезертиры, вернувшиеся на родину и оставшиеся на чужбине – одинаково могут оказаться в емком определении “без вести пропавшие”. Достоверность оценок людских потерь во многом зависит от существовавшего в военные и сопредельные с ними годы учета демографических явлений, от объективности информации, поступавшей от нижестоящих в вышестоящие военные инстанции, от сохранности архивов и т.д. Это относится не только к СССР, но и другим странам, в том числе, и Германии, об условности и большой сложности оценок людских потерь, о чем убедительно сказано еще в начале 50-х годов Г. Арнтцом (30).

Очевидно, что громадное значение имеет и то, какими методами подсчитывались как военные, так и гражданские потери. Из опубликованных в последние 20–25 лет демографических и военно-исторических работ видно, что для подсчета потерь в войне используются три основных метода. Причем каждый из них применяется для оценки определенного вида потерь. К этим методам относятся: 1. метод прямого счета, 2. сравнительный метод и 3. метод демографического баланса. Как правило, каждый из этих методов в чистом виде не применяется. Они используются в тех или иных комбинациях.

При прямом методе оценки потерь, конечный результат получается сложением всех составляющих – убитых на фронте, умерших от ран в госпиталях, пропавших без вести, погибших в плену и т.д. Классификация возможных потерь не только среди военнослужащих, но и среди гражданского населения подробно описана А. Квашой (32). Поэтому нет необходимости о ней говорить, тем более что выявить все виды потерь практически невозможно. Прямой метод достаточно эффективен лишь для оценки потерь вооруженных сил.

К настоящему времени опубликован ряд обстоятельных работ – книг и научных статей, авторами которых являются именно те специалисты, которые либо занимались непосредственными расчетами потерь вооруженных сил, либо возглавляли коллективы, выполнявшие эту работу. Наибольшее доверие внушают идентичные сведения, приводимые в трудах М. Моисеева, Г. Кривошеева, М. Гареева и их соавторов (39, 17, 43, 15). На основании учета убитых, умерших от ран на этапах эвакуации и в госпиталях, не боевых потерь, окончательно пропавших без вести, попавших в плен и не вернувшихся оттуда, а также не учтенных потерь в первые месяцы войны определена цифра потерь Красной Армии, ВМФ, пограничных и внутренних войск в 8668.4 тыс. человек (69). Можно упрекнуть авторов в том, что они довели оценку до точности сотен человек, но трудно не согласиться с их скрупулезными и документируемыми расчетами. Во всяком случае, потери вооруженных сил в 8.7 млн. или округленно 9 млн. более реальны, чем такие фантастические цифры, как у Калинова – полковника – перебежчика из Советской военной администрации в Берлине – 13.6 млн. (30), у В. Кондратьева – 22 млн. (38) и, особенно, у доктора (здесь нет ошибки) филологических наук – Б. Соколова – 26.4 млн. (83) Кстати, если из всех мобилизованных в годы войны и кадрового состава всех силовых структур, а их было 34.5 млн., исключить безвозвратные потери военнослужащих, исчисленные господином Соколовым в 26.4 млн., то откуда тогда ко дню Победы в 1945 г. у Советского Союза оказались только вооруженные силы в 12.8 млн. человек, притом, что за годы войны было уволено в связи с ранениями и болезнями 3.8 млн. человек? (39). Кроме того, по данным С.Н. Михалева 3.6 миллиона военнослужащих были переданы народному хозяйству и около млн. осуждено (42. с. 22). Сохранилась занятость и в других силовых ведомствах. Глядя на цифры, подобные тем, ко-

торые приводятся Б. Соколовым, В. Кандратьевым и т.д. относительно безвозвратных потерь вооруженных сил, нельзя не вспомнить Френсиса Бэкона, говорившего, что чем менее история правдива, тем больше она доставляет удовольствия. Жаль, что за такое сомнительное удовольствие не приходится платить!

Метод прямого счета многократно, прежде всего, историками применялся для оценки людских потерь Советского Союза в Великой отечественной войне. Дважды этот метод использовался для подсчета потерь гражданского населения А. Шевяковым, хотя и дал разные результаты. Так, в публикации 1991 г. он пишет, что при просмотре документов руководителей государства тех лет и архивных данных, им подсчитано, что гитлеровцы уничтожили (расстреляли, уморили в газовых камерах и т.д.) 11.3 млн. советских людей. Из числа оstarбайтеров и военнопленных погибло примерно 3 млн. Кроме того, в созданных нацистами оккупационных условиях было загублено 6.5 млн. Следовательно, общее число погибшего гражданского населения (даже без оstarбайтеров) составило 17.8 млн. человек (90). В публикации 1992 г. А. Шевяковым дана более развернутая картина гибели гражданского населения. Им более тщательно были проработаны материалы Чрезвычайной государственной комиссии, хотя сразу надо сказать, что ее подсчеты, основанные во многом на показаниях очевидцев, родственников и знакомых погибших, далеко не точны. Тем не менее, оценка потерь гражданского населения, сделанная А. Шевяковым, если из нее исключить погибших военнопленных, достаточно близка к цифре, полученной ВНК, работавшим в начале 1989 г.

Историк А. Соколов различает военно-оперативный и демографический подходы к оценке людских потерь. Первый, по сути – это метод прямого счета. Но проблема не в названии, а в том: согласен или нет автор с оценками безвозвратных потерь военнотру-

жащих, выполненных в военном ведомстве. Ему больше импонирует цифра 7.5 млн. (39) Нам она также нравится. Но, к сожалению, цифра 8.7 млн. документально доказана военными специалистами, которым не к чему было ее завышать. В демографическом подходе, к сожалению, А. Соколов смешал сравнительный метод и метод демографического баланса.

В течение последних десяти лет Б. Соколовым (не путать с А. Соколовым) методом прямого счета сделано несколько оценок людских потерь. В 1988 г. общие потери им определены в 21.3 млн. человек. К 1991 г. величина потерь выросла до 29.6 млн. Наконец, в изданной в 1998 г. книге, Б. Соколов приводит отдельно тщательные подсчеты потерь военного и гражданского населения. Не комментируя, используемые им данные, многие из которых сомнительны и противоречивы, приведем лишь итоговые величины. Согласно его расчетам суммарная величина военных потерь населения СССР составила 43.3 млн. погибших. Поскольку безвозвратные потери армии у него равны 26.4 млн. человек, то на долю гражданского населения приходится 16.9 млн. (83) По Б. Соколову, а его последняя книга называется “Правда о Великой Отечественной войне”, гражданского населения погибло в 1.6 раза меньше, чем военнослужащих. В связи с приведенными соотношениями следует напомнить, что часть территории СССР находилась в оккупации 3 и более лет, что повсеместно проводился геноцид, т.е. систематическое уничтожение мирных граждан в соответствии с идеологией фашизма относительно славянских народов. Особенно жестоко расправлялись с населением тех районов, где активно действовали партизаны и подпольщики. Многие города выдержали многомесячные осады, повсеместно населенные пункты стирались с лица земли. Все это вело к громадным потерям мирного населения.

Соотношения между потерями гражданского и военного населения поработанных стран Европы, где действовал существенно

более мягкий оккупационный режим, также говорят не в пользу цифры Б. Соколова. Так, потери гражданского населения превышают потери военнослужащих во Франции и Чехословакии в 1.4 раза, в Югославии – в 4.7 раза, в Бельгии в 6.3 раза, в Греции – в 7 раз, в Голландии – в 16.5 раза и Польше – в 42 раза (30). Другое дело, что в СССР огромные потери приходится не только на гражданских лиц, но и на военнослужащих, особенно на первом этапе войны, на долю которого падает 58% всех погибших.

Попытка посчитать прямым путем потери военнослужащих и гражданского населения, в том числе и взявшего в руки оружие (партизаны, ополченцы и т.д.), была предпринята также С. Максудовым. Вначале он откорректировал цифру общих потерь, равную 26.6 млн. человек, взятую из работ АДХ. Им из этой цифры исключены 2 млн. репатриированных из СССР в 1945 г. поляков. В результате чего получилась цифра 24.5–25 млн. (50). Его ошибка в том, что он не учел встречный поток мигрантов, вдвое уменьшивший сальдо миграционного обмена между Польшей и СССР (50). Потери армии он также корректирует, полагая, что они завышены и составляют не 8.7 млн. человек, а 7.9 млн. Но за счет гибели ополченцев, партизан и т.д. он доводит величину потерь до 9.5 млн.

Наконец нельзя не сказать о том, что к началу работы ВНК Управлением статистики населения Госкомстата СССР была предложена методика прямого счета людских потерь по отдельным компонентам. Однако все свелось, к предложенным в первом проекте Госкомстата обычным прикидкам. Вот как это обосновывалось: исходя из выступлений руководителей государства и ответственных работников разного уровня в 1944–1946 г. установлено, что на территории Украины, Белоруссии и Прибалтики потери гражданского населения составили 8.3 млн. или 14.7% довоенной численности населения. По этому проценту найдены потери в РСФСР и Молдавии, которые составили 4.8 млн. Тогда общие по-

тери гражданского населения равны 13.1 млн. человек. Кроме того, численность населения “сократилась за счет превышения резко увеличившейся смертности над сильно сократившейся рождаемостью”. Согласно немецким данным в 1942 г. в г. Харькове это превышение составило 4%. Ниже нами будет показано, что это не прямые, а косвенные потери. Тем не менее, этот процент был распространен на все население оккупированных территорий, в результате получилось превышение числа умерших над числом родившихся в 3–3.5 млн. Следовательно, общие потери гражданского населения составили –16.1 и 16.6 млн. Потери военнослужащих были приняты в двух вариантах – 7 и 8.8 млн. человек. Из предложенных Госкомстатом цифр получаются варианты, варьирующие от 23.1 до 25.4 млн. Названная итоговая цифра составила 25 млн. человек. Цифра круглая, удобная и за нее работники Госкомстата и его научного подразделения – НИИ Статистики стояли насмерть. После споров на коллегии Госкомстата СССР никто не умер, но цифру пришлось изменить.

Второй метод оценки людских потерь мы условно называем сравнительным. Суть его заключается в сопоставлении прогнозного и реального населения. Этот метод позволяет оценить общие людские потери, структурированные лишь по демографическим характеристикам. Еще в 1922 г. С.Г. Струмилиным был выполнен прогноз изменения населения Советского Союза (у него России) с 1920 по 1941 г. Было предусмотрено 2 варианта: один – без учета влияния гражданской войны и блокады, другой, учитывающий их влияние. К началу 1939 г. по второму варианту совпадение численности прогнозного и реального населения оказалось почти абсолютным (169.8 и 170,6 млн.). По первому варианту не хватало 8.5 млн. человек (86). Собственно это и были потери, которые можно было бы отнести на войну и блокаду, не будь последующих драматических событий. Заметим, что иногда по поводу этих прогнозов

в адрес С.Г. Струмилина отпускаются едкие замечания А зря. Он не занимался подтасовкой, тем более в 1922 г. Просто совпало прогнозное и фактическое население в 1939 г. Это, наверное, единственный случай в практике прогнозирования.

Этим же методом пользовался Б.Ц. Урланис, называя его методом упущенных возможностей (87). В более поздней работе он писал, что влияние войны на население можно определить сравнением двух величин – гипотетической и фактической численности. Разность величин и есть влияние войны (70). На Украине этот метод использовал С.И. Пирожков, определивший потери этой республики с 1929 по 1939 г. в 5.8 млн., в числе которых косвенные составили 3.1 млн. человек (61). А.Я. Кваша, называя этот метод демографическим балансом, считает, что им определяется “упущенная демографическая выгода” (32). И он, ссылаясь на данные, полученные Ю.Е. Власьевичем, принимает такие цифры: в 1946 г. должно было бы быть 213 млн. человек, а оказалось 167 млн. Следовательно, не доставало 46 млн. В эту цифру входят и прямые и косвенные потери. В ряде публикаций некомпетентных авторов как раз и мелькает эта цифра людских потерь.

Прогнозное, или гипотетическое население получается путем передвижки возрастов, для чего используются таблицы дожития, приуроченные к датам переписей населения. Очевидно, что эти передвижки можно делать и на перспективу и на ретроспективу. Подобным образом по данным таблиц дожития 1938–39 г. и 1958–59 г. А.Б. Синельниковым были сделаны перспективные и ретроспективные расчеты с целью получения численности и структуры гипотетического населения на год окончания войны. Недостаток населения по обоим вариантам составил 28 и 32 млн. человек. Учитывая несовершенство метода, полученные цифры (также средняя из них величина – 30 млн.) не могли претендовать на точную оценку людских потерь. Однако в монографии, опубликованной в 1988 г., хотелось

показать, что величина людских потерь может быть намного больше 20 млн. человек (54).

Применительно к расчетам населения бывшего Советского Союза сравнительный метод может применяться с большой осторожностью, поскольку в середине XX в. было еще далеко до вступления даже европейской части страны в завершающий этап демографического перехода. А стало быть, еще не была достигнута устойчивость демографических тенденций. Очевидно, что за 20 лет, отделявших предвоенную и первую послевоенную переписи населения, могли произойти достаточно серьезные изменения в демографических параметрах.

Метод демографического баланса как инструмент оценки демографической динамики и ее источников уже многие годы используется учеными и работниками статистических органов. Обычно, зная объемы естественного и миграционного приростов, и численность населения на начало периода, элементарно находят его конечную величину. Этот метод давно применяется и для оценки людских потерь в войнах. В опубликованной в 1953 г. в Гамбурге и переведенной в Советском Союзе в 1957 г. книге, посвященной итогам Второй мировой войны, в статье Г. Арнтца с помощью демографического баланса подсчитаны потери европейских стран в минувшей войне. Баланс включает помимо численности населения на начало и конец периода, следующие компоненты: естественный прирост за период с 1938 по 1947 г., убыль населения за счет естественной смерти, число погибших военнослужащих и гражданского населения, а также прочие потери – перемещенные лица, не возвратившиеся военнопленные и т.д. (30).

Этот же подход использован авторами коллективного труда “Вторая мировая война”, где говорится следующее. Учитывая, что по окончании войны надежных данных о потерях, основанных на регистрации индивидуальных судеб не имелось, немецкие ученые

для оценки людских потерь использовали метод демографического баланса. Суть его состоит в сопоставлении начальной и конечной численности населения с учетом миграции, рождаемости и смертности (13). Словом никаких различий с тем, что понимается под балансовым методом в отечественной науке. В свое время метод демографического баланса, используемый, правда, для иных целей, достаточно подробно рассмотрен в книге Б.Д. Бреева, опубликованной в 1977 г. Этому методу посвящена вся вторая глава (7).

Столь подробное повествование о методе демографического баланса понадобилось потому, что в тиражированных в девяностые годы XX столетия работах, посвященных людским потерям в войне, авторы с аббревиатурой АДХ, пытались убедить читателей, что они, во-первых, разработали этот метод и, во-вторых, предложили его ВНК для подсчета военных потерь, а, главное, их оценка и была принята. (28). Тем не менее, приведем вкратце расчеты, выполненные АДХ с помощью метода демографического баланса. Они принимают численность населения на середину 1941 г. и конец 1945 г., равными, соответственно, 196.7 и 170.5 млн. человек. До конца войны дожили 159.5 млн. человек из числа родившихся до середины 1941 г. Тогда соответственно убыль (умерли, покинули страну и др.) равна 37.2 млн. Допустив, что нормальная (естественная) смертность за 4.5 года составила 11.9 млн., авторы определяют величину потерь без учета числа родившихся в годы войны. Ее величина – 25.3 млн. человек. К полученной цифре, сделав соответствующую оценку, прибавили повышенную детскую смертность, равную 1.3 млн. Тогда суммарно общие людские потери составили 26.6 млн. человек (39). АДХ считают, что они зависили оценку людских потерь. Их мнение основано на том, что во время войны возросла смертность среди репрессированных. Надо отметить, что указанные авторы при подсчете потерь методом демографического баланса, использовали также ретроспективную передвижку возрастов,

т.е. выполнили оценку потерь методически весьма корректно, залив, по нашему мнению, при этом общие людские потери.

Глава 4

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Для подсчета людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне участниками временного научного коллектива (ВНК) практически были использованы в той или иной мере все три метода оценки военных потерь. В частности, безвозвратные потери вооруженных сил рассчитаны методом прямого счета специалистами военного ведомства. Полученные результаты министром обороны были направлены в ЦК КПСС, а чуть позже опубликованы. В обстоятельной книге «Триф секретности снят», в статьях, напечатанных в различных журналах и сборниках (17, 43, 15) приводится одна и та же цифра потерь военнослужащих, как теперь принято говорить, всех силовых структур. Естественно, что свыше 98% безвозвратных потерь приходится на министерство обороны. Указанная цифра была принята ВНК в качестве величины потерь вооруженных сил. Конечно, можно получить и другие цифры, если опираться на воспоминания нацистских генералов или «хорошо информированных» перебежчиков, таких как Калинов и Резун.

Оценка потерь гражданского населения методом прямого счета была невозможна по информационным причинам: на временно оккупированных территориях отсутствовал учет естественного движения населения, существуют большие расхождения относи-

тельно численности эвакуированного населения, угнанных в Германию и перемещенных лиц, о военнопленных, уничтоженных на оккупированной территории, о военнопленных и остарбайтерах, оставшихся на западе, о скрывавшихся дезертирах, о гибели партизан и подпольщиков, о населении присоединенных территорий и т.д. В качестве примера, заметим, что оценки численности мигрировавшего населения из районов, захваченных немцами варьируют от 10 до 25 млн. человек. Таким образом, единственно возможным способом дать оценку людских потерь оставался метод демографического баланса. Использование этого метода предполагает наличие хотя бы примерной информации о численности населения на начало и окончание войны, а также обо всех событиях, влиявших на демографическую динамику в годы войны, и в период между предвоенной и послевоенной переписями населения.

а) Оценка численности предвоенного населения.

Считается очевидным, что исходной датой для оценки предвоенной численности населения является 22 июня 1941 г. – день нападения фашистской Германии на Советский Союз. Но это очевидно лишь на первый взгляд. Исходной датой оценки людских потерь может быть принята не только середина, но и начало 1941 г., поскольку полугодовая прибавка населения (январь-июнь 1941 г.) лишь передвигает ее, не влияя на величину потерь. Заметим, что этот полугодовой рост населения страны обычно экстраполируют, исходя из показателей естественного движения населения в 1940 г.

Численность населения страны на начало 1941 г. включает две компоненты: итоги Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. и оценки численности населения тех территорий, которые тем или иным способом были присоединены к СССР после сентября 1939 г. Сразу подчеркнем, что по обеим составляющим отсутствуют достоверные сведения.

Данные о численности населения СССР на переписную дату были обнародованы в марте 1939 г. И. Сталиным на XVIII съезде партии. Он назвал округленную цифру – 170 млн. человек (84). В официальных статистических изданиях численность населения указывается чуть больше – 170.6 млн. (53). Однако большинство ученых полагают, причем не без оснований, что переписные данные о численности населения были фальсифицированы в сторону завышения. Так репрессированная перепись населения 1937 г. зарегистрировала 162 млн. человек, проживавших в Советском Союзе (51). В 1937 г. естественный прирост населения составил 3.3 млн. человек (55). В последующем, т.е. 1938 году естественный прирост не мог сильно отличаться, и потому суммарно за два года его величина составила примерно 6.5 млн. человек. Кстати в работах АДХ естественный прирост для этих лет принимается в 6 млн. человек (28). Таким образом, с учетом данных переписи 1937 г. и сведений о естественном движении, численность населения для 1939 г. завышена в первом случае на 1.5 млн., а во втором – на 2 млн. человек. Собственно факт завышения численности населения признается и в секретной справке, направленной ЦУНХУ в адрес Сталина и Молотова, где сообщается, что население СССР на начало 1939 г. составило 167.3 млн. (51). По сравнению с официально опубликованными данными разрыв баснословный -3.3 млн. человек.

Вместе с тем, ученые, изучавшие материалы предвоенных переписей, обращают внимание на имевший место недоучет, что собственно присуще в той или иной мере любой переписи населения. Так В. Жиромская, которая одна из первых обстоятельно проанализировала материалы предвоенных переписей, полагает, что недоучет населения в переписи 1937 г. составлял 0.5% или 0.8 млн. человек (51). Но даже и с этой поправкой, оценочная численность населения в 1939 г. оказывается ниже официальной цифры, иначе надо

предположить, что естественный прирост за два года мог составить 7.8 млн. человек (что не соответствует действительности).

Помимо официальных открытых и секретных сведений о численности населения СССР в 1939 г. имеются различные ее оценки, сделанные с учетом имевших место тогда фальсификаций и недоучета числа жителей. Приведем данные из публикаций лишь тех ученых, профессиональный уровень которых не вызывает сомнений. Численность населения на начало 1939 г. оценивается В. Жиромской – 167.6 – 167.7 млн. (39, 51), АДХ – 168.5 млн. (2), В. Цап-линым – 168.8 млн., С. Максудовым – 168-169 млн. и В. Исуповым – 169–169.8 млн. человек (51). С. Михалевым приводятся со ссылкой на источники сразу три цифры – 167.3, 168.5 и 167.6 млн. (39). Все эти оценки не выходят за рамки минимальной и максимальной цифр – секретного письма ЦУНХУ и официально опубликованных итогов переписи, т.е. 167.3–170.6 млн. Понятно, что, выбрав для дальнейших расчетов, понравившуюся цифру, можно получить желаемый результат людских потерь. Но это еще не все.

В последние предвоенные годы и в период освобождения территории СССР от фашистских оккупантов его население увеличилось за счет добровольного или насильственного (мнения на этот счет могут различаться) присоединения территорий, утраченных также добровольно или насильственно после Октябрьской революции 1917 г. В состав СССР вошли три прибалтийских республики, западные области Украины и Белоруссии, а также Бессарабия и Северная Буковина. В настоящее время, как впрочем, и в момент присоединения новых территорий, остается неизвестным число новых граждан, пополнивших население Советского Союза. Официально считается, что численность населения присоединенных районов составила 20.1 млн. человек. Откуда взялась такая точная цифра, сказать трудно.

Ясно одно, что давать оценки численности населения в той или иной мере близкие к реальным величинам, можно лишь, опираясь на сведения ближайших переписей населения. Но это условие как раз и отсутствует. На присоединенных территориях последние переписи населения проводились в первой половине 30-х годов, а в Литве – даже в 1923 г. Рассматривающий эту проблему С. Михалев, отмечает, что численность населения присоединенных западных территорий, накануне войны находилась в движении из-за миграции в страну и за рубеж. Только из Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г. в Германию были переселены 125 тыс. этнических немцев (39). Не известно, сколько поляков, в том числе и военнослужащих, оказалось на территории СССР и сколько ее покинуло (армия генерала Андерса, две армии Войска Польского), каковы были истинные масштабы последующих миграций. По мнению С. Михалева на вновь присоединенных территориях проживало от 17 до 20 млн. человек (39). АДХ в расчетах населения СССР в новых границах принимают численность населения вновь присоединенных территорий в 20.3 млн. (28). В. Кожурин считает, что численность населения присоединенных территорий составляла 21 млн. (35). А. Соколов называет цифру 23 млн. (39). Мнение о том, что численность населения присоединенных территорий, заметно больше официальных данных, высказывает и В.И. Козлов, предлагая увеличить за этот счет численность населения на начало 1940 г. на 1–2 млн. человек (36). Можно также назвать цифру 20.7 млн., появившуюся в печати в конце 1999 г. (57) Нет смысла приводить другие оценки, можно лишь упомянуть мнение С. Михалева о том, что никогда не удастся установить точную численность населения воссоединенных западных территорий.

Таким образом, расчеты числа граждан Советского Союза на начало 1941 г. опираются, независимо от того, кто бы их ни осуществлял, с одной стороны, на вилку значений численности населе-

ния по данным переписи 1939 г. (167.3–170.6 млн.), а с другой стороны, на разные оценки численности населения, присоединенных накануне войны территорий (от 17 до 23 млн.). Это сомнительное разнообразие позволяет каждому исследователю создавать собственную численность населения на начало 1940 и 1941 годов (табл.1.2).

Таблица 1.2

**Оценки предвоенной численности населения СССР
(млн. человек)**

Автор, источник	Год публикации	1940 на 1.1.	1941	
			на 1.1.	На 1.VII
В. Козлов (36)	1989	195-196
ЦСУ СССР (45)	1956	191.7
ЦСУ СССР (47)	1963	194.1
В. Кожурин (35)	1991	195.9	198.7	200.1*
И. Курганов (35)	1990	...	197.1	...
Вересов (35)	1987	...	197.5	...
Л. Рыбаковский (74)	1989	...	196.7	...
С. Михалев (39)	1995	191.8-196.4
В. Гельфанд (16)	1992	...	196.7	...
Л. Поляков (64)	1985	...	196.6	...
АДХ (2,28)	1990	192.6	195.4	196.7

* К численности населения на начало 1941 г. прибавлен естественный прирост за 1940 г., равный 2.8 млн. человек. Данные на начало 1940 и 1941 годов взяты из справки ЦСУ СССР, отправленной в адрес Президиума Верховного Совета от 16 июня 1941 г.

Прежде чем определить интервалы, в которые укладываются различные оценки численности населения, следует исключить те из них, которые вызывают сомнения. Прежде всего, численность населения на начало 1940 г., приводимая в статистическом издании 1956 г. представляет весьма грубую оценку, сделанную за три года

до первой послевоенной переписи населения. Естественно она отличается от тех оценок, которые были выполнены ЦСУ СССР в после переписной период. Выпадает также из общего ряда оценок численности населения на середину 1941 г. цифра 200.1 млн. человек. Но если признать, что в начале 1941 г. население могло составлять 198.7 млн., то при полугодовой прибавке естественного прироста в 1.4 млн., эта цифра вполне реальна, хотя и не укладывается в общий ряд.

Итак, численность населения на начало 1940 г. находится в диапазоне 194.1 – 196 млн., на начало 1941 г. – 196.6–198.7 млн. и к середине 1941 г. – 194.1–197.5 – и даже 200.1 млн. человек. Оценки численности населения на начало 1940 и 1941 годов различаются в пределах в 2 млн. человек, тогда как разброс оценок для середины 1941 г., если не исключать цифру 200.1 млн., составляет 6 млн., и без нее – 3.4 млн. Таковы проделки исходной статистики.

б) Оценка численности населения СССР на период окончания войны.

Война, как известно, закончилась безоговорочной капитуляцией Германии в мае 1945 г., правда, еще кое-где происходили бои местного значения. Более того, в ряде западных районов и Прибалтике процесс “зачистки” продолжался до начала 50-х годов. В свою очередь в августе – сентябре осуществлялись боевые действия с Японией. До 1952 г. еще возвращались на родину бывшие оstarбайтеры и пленные. Все эти явления позволяют конечной датой расчета военных потерь считать не только время окончания войны, но и другие даты. Так А. Кваша полагает, что поскольку война с Японией завершилась в сентябре 1945 г., то удобнее всего расчеты вести на конец этого года (32). Заметим, однако, что безвозвратные потери в войне с Японией составили чуть больше 12 тыс. человек, т.е. для оценок людских потерь незначимую величину (17). АДХ

предлагают также для расчетов потерь в качестве конечной даты принимать 31 декабря 1945 г. Их мотивировка заключается в том, что в госпиталях во второй половине 1945 г. еще умирали раненые. Действительно их в госпиталях оставалось к концу войны более 1 млн. (13). Но раненые умирали не только во второе полугодие 1945 г., но и в последующее время, хотя конечно не с такой интенсивностью. Кстати, после Первой мировой войны в Германии в безвозвратные потери были включены все раненые, умершие до 31 декабря 1933 г. (30).

Следовательно, существует достаточно много причин для того, чтобы расчетную дату сместить на конец года, что, не может заметно повлиять на общую величину людских потерь. Вместе с тем, это так же удобно для расчетов, как и смещение исходной даты на начало 1941 г. Между прочим, при оценке людских потерь европейских стран во Второй мировой войне Г. Арнтц в качестве временных границ принимает 1938–1947 г. и получает вполне обоснованные результаты (30).

До проведения первой послевоенной переписи в 1959 г. любая оценка численности населения в предшествующие ей годы носила характер грубой прикидки. Так ЦСУ СССР оценило численность населения по состоянию на апрель 1956 г. в 200.2 млн. человек, а после проведения переписи снизило ее до 197.9 млн. (45,46). Такая поправка увеличивает людские потери в войне более чем на 2 млн. человек. Перепись позволила сделать ретроспективные оценки вплоть до 1950 года, который большинство исследователей принимают в качестве базового для расчетов населения на 1946 г. Цифра 178.5 млн. человек на начало 1950 г., опубликована ЦСУ СССР в 1961 г. и регулярно повторялась в других статистических ежегодниках вплоть до 1988 г.

Поскольку от населения на начало 1950 г., ведется расчет его численности за все предшествующие годы, в том числе и на начало

1946 г., то естественно, нужно учесть все явления, повлиявшие на демографическую динамику, которые произошли в 1946–1949 г. Значение этих демографических явлений и процессов различно. Основную роль, бесспорно, играет естественный прирост населения, составивший в эти годы почти 10 млн. человек. Другой фактор изменения численности населения – внешняя миграция. В связи с уточнением границ в 40–50-х годах происходил обмен населением между СССР и Польшей, охвативший в общей сложности примерно 3 млн. человек. Основное число поляков репатриированных из СССР приходится на 1944–1948 г. – свыше 1.5 млн. Обратная репатриация из Польши имела меньшие масштабы (чуть больше 0.5 млн., преимущественно украинцев и белорусов), и была в основном осуществлена в 1945–1946 г. (40). При корректировке численности населения следовало бы учесть также экстремальные явления, происшедшие в 1946–1949 г. Имеется в виду ашхабадское землетрясение, когда погибло свыше 100 тысяч человек, и голод, охвативший в первые послевоенные годы некоторые территории страны. Встречаются утверждения, что голод 1947 г. унес около 1 млн. человек (1).

В таблице 1.3. представлены некоторые оценки численности населения на начало 1946 г., сделанные, как правило, людьми, обладающими необходимыми профессиональными знаниями, и, стало быть, принимавшими во внимание выше перечисленные события.

Диапазон значений численности населения на начало 1946 г. составляет 167–170.5 млн. человек, что изначально может изменить людские потери в ту или иную сторону на 3.5 млн., тогда как цифры, характеризующие численность населения на начало 1941 г., отличаются всего на 2.1 млн. (табл.1. 4.).

Таблица 1.3

**Оценка численности населения СССР на начало 1946 г.
(млн. человек)**

Автор оценки	Оценка	Источник
Л. Поляков	167.0	(64)
В. Гельфанд	168.7	(16)
АДХ	170.5	(28)
В. Козлов	167.0	(36)
С. Михалев	170.55	(39)
Р. Рыбаковский*	168.6	(74)

*Цифра 168.6, названная нами 10 лет назад, видимо, завышена, скорее всего, на 0.5-1.0 млн. Она должна находиться где-то между 167 и 168 млн. человек.

Таблица 1. 4

Максимальная и минимальная оценки численности населения СССР на начало года (млн. человек)

	1941	1946
Максимальная численность	198.7	170.5
Минимальная численность	196.6	167.0

Если воспользоваться максимальными и минимальными значениями численности населения на начало 1941 и 1946 годов, то можно получить разнообразие промежуточных данных о людских потерях (млн. человек): 26.1, 28.2, 29.6 и 31.7. Естественно, что чем больше величина населения на начало 1941 г. и чем меньше оно на конец 1945 г., тем масштабнее и людские потери. Разница между максимальным и минимальным вариантами составляет 5.6 млн. человек. Такова арифметика.

Глава 5

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В годы войны, т.е. в 1941–1945 г. происходили явления, непосредственно влиявшие на демографическую динамику и соответственно на величину людских потерь. Прежде всего, речь идет о рождаемости и смертности населения. Очевидно, что та доктрина, которая была провозглашена нацистским режимом относительно судьбы славянских, и, в первую очередь, советских народов, обуславливала планомерное уничтожение населения на временно оккупированных территориях. По мнению М. Филимошина на оккупированной территории всего умерло 8.5 млн. человек, из которых 4.1 млн. приходится на сверхсмертность (39). А. Шевяков считает, что только от голода и эпидемий во временно захваченных районах погибло 6.5 млн. человек (91).

Смертность населения выросла из-за снижения объемов и качества медицинского обслуживания, экстремальных условий труда (мужскую работу повсеместно выполняли женщины и дети), но, главное, вследствие резкого ухудшения питания, в ряде мест – прямого голода. Население переживало голод в 1941 г. в степных районах Западной Сибири, в 1942 г. – в Вологодской области, в 1943 г. – в Читинской и ряде других областей и т.д. (39). Имеется ряд отрывочных сведений о смертности населения в тыловых районах. По данным В. Исупова общие коэффициенты смертности во второй половине 1941 г. выросли по сравнению с январем – июнем в 1.24 раза. Повысилась и младенческая смертность. Если она составляла 196.7‰ в 1941 г., то в 1942 г. увеличилась до 313.7, т.е. в 1.5 раза (51). Любопытные данные приводит И.Е. Зеленин о смертности городского и сельского населения Сибири. В 1941 г. общие коэффи-

циенты смертности городского населения (в скобках аналогичные показатели по сельским жителям) составляли 24.1‰ (19.7), в 1942 г. они выросли до 29.6 (21.3), а, начиная с 1943 г. стали снижаться с 27.2 (13.6) до 17.3 (10.6) в 1944 г. и 12.2 (7.4) – в 1945 г. (39). Подобная динамика наблюдалась и среди заключенных, о чем пишет В.Н. Земсков. Согласно его сведениям в 1941 г. смертность в пени-тенциарных учреждениях ГУЛАГа составляла 67 человек на тысячу заключенных, в 1942 г. – 175, в 1943 г. – 173, в 1944 – 92 и в 1945 г. – 61 человек (39). Этот факт, отмеченный И. Зелениным и В. Земсковым, говорит о многом: во-первых, о том, что нужно с большой осторожностью экстраполировать довоенный уровень смертности на годы войны, чтобы получить так называемую нормальную смертность населения, и, во-вторых, что для разных лет войны неприемлемо использование одинаковых показателей смертности. Скорее всего, при нормальных условиях смертность населения СССР к 1945 г. заметно бы снизилась по сравнению с довоенным временем. Если, опираясь на данные ЦСУ СССР (численность населения 194.1 млн. и число умерших на тысячу человек -18), перенести показатели смертности 1940 г. на последующие 5 лет, то число умерших должно было бы составить 17.5 млн. По нашей оценке оно без учета влияния войны не могло быть более 15 млн. человек. Это соображение принципиально, потому что чем большая естественная смертность закладывается в расчеты, тем меньшая величина остается на долю людских потерь.

Говоря о рождаемости в годы войны, все пишущие на эту тему единодушны – ее уровень снизился. Так Б.Ц. Урланис отмечал, что рождаемость в 1941–1944 г. снизилась по сравнению с 1939–1940 г. в 2 раза (88). Такое же падение рождаемости к довоенному времени называют Д.И. Валентей и А.Я. Кваша (9). По данным В. Гельфанда рождаемость за годы войны снизилась в 2.1 раза (16). Это соотношение стало магическим. Приведем еще один пример. По-

сколько в 1940 г. родилось 6.1 млн. детей, а в 1943 г. лишь около 3-х млн., то мы вновь приходим к этому соотношению (19). Это данные для всей страны. По отдельным, тыловым районам приводятся несколько иные соотношения. Не оспаривая их, об этом ниже, заметим, что О.М. Вербицкая, экстраполируя уровень рождаемости предвоенного 1940 г. на годы войны, определила гипотетическое число и дефицит родившихся для некоторых территорий. Для Сибири потери числа родившихся оцениваются в 1 млн. (родилось 1.3 млн. вместо 2.3 млн.), по той же методике дефицит по Уралу определен в 1.2 млн. человек (39).

В литературе помимо относительных величин снижения рождаемости приводятся и абсолютные сведения о числах рожденных в войну детей. Так приводимая В. Гельфандом цифра – 15117.4 тыс. – взята как будто бы из бухгалтерской отчетности (16). При подготовке материалов о людских потерях во время исследований ВНК, нами также было определено число детей, рожденных в военные годы. С этой целью, используя данные переписи населения 1959 г., путем обратной передвижки тех возрастов, даты рождения которых, пришлись на военные годы, получены числа возможных рождений в 1941–1945 г. В передвижке возрастов с 1959 г. по 1953 г. применялись таблицы дожития 1958/1959 г., а для последующих лет – таблицы дожития 1938/1939 г. Полученные результаты были откорректированы с учетом коэффициента младенческой смертности, соответствующего уровню 1940 г., что определило для военных лет нормальную смертность детей в 2.5–3 млн. На основе этих предпосылок получено число детей, рожденных в военные годы. Оно составило 18–18.5 млн., исключив младенческую смертность – 15.5 млн.

Правдоподобность оценки числа детей, рожденных в военные годы, подтверждается следующим: из числа родившихся в 1940 г. до начала 1959 г. дожило 68.9% (родилось 6.1 млн. и дожило 4.2 млн.), а из числа родившихся в 1941–1945 г. дожило 67.2% (18.0 и

12.1 млн.). Кстати и в начале 1999 г. соотношения между родившимися в 1940 и 1941–1945 г. также не сильно отличаются – соответственно 28.4 и 28.7%. Добавим, что число родившихся в 1941 г., если судить о числе доживших до 1999 г. не намного отличаются от уровня 1940 г. – меньше всего на 4–5%. И это вполне понятно, поскольку число детей, которое должно было родиться во второй половине 1941 г., как и в первые месяцы 1942 г. было уже predetermined. Часть рождений не состоялась вследствие насильственной смерти части будущих матерей. С другой стороны, естественная смертность населения в первые месяцы войны оставалась в обычных параметрах, как и условия жизни во многих тыловых районах. Самый низкий уровень рождаемости приходится на 1943 г., он составил не более 2/5 числа детей, рожденных в последнем предвоенном году (89).

Согласно немецким источникам на временно оккупированной территории от представителей «арийской расы» родилось примерно 3 млн. детей. (58) Если согласиться с этой явно завышенной цифрой, то оказывается, что все же 15 млн. детей родилось от советских мужчин. Значит не все дееспособные мужчины воевали и находились в учреждениях ГУЛАГа, как это кому-то очень хочется доказать. Даже такая кровопролитная война была не в состоянии остановить естественный процесс воспроизводства населения. Кстати, согласно тому же источнику, на территории Германии от советских солдат родилось около 300 тыс. немецких детей. Заметим, что советские солдаты воевали на территории Германии всего 3 месяца, тогда как солдаты Вермахта находились на территории СССР 39 месяцев. Все-таки большая разница.

Оценка людских потерь в то или иное время предполагает учет еще двух составляющих, так сказать, внешних источников – сальдо межгосударственного миграционного обмена (такой обмен имел место в основном в первые послевоенные годы) и изменение

численности населения за счет включения в состав государства или выхода из него новых территорий. Включение в состав РСФСР Калининградской области и образование Сахалинской области после освобождения Южного Сахалина, аннексированного Японией в 1905 г., и Курильского архипелага не увеличило населения Российской Федерации, т.к. немецкое и японское население было депортировано. На Южном Сахалине осталось всего менее одной тысячи японцев и около 10 тыс. корейцев. Это цифры не значимые для оценки общих потерь. Другое дело включение в состав Украины Закарпатья с населением по разным источникам 800–900 тыс. человек и вхождение в СССР Тувы, население которой составляло приблизительно 100 тыс. человек. Вероятнее всего население Советского Союза за этот счет возросло на один млн. человек, что, конечно, нужно учесть при подсчете людских потерь, как и передачу в 1945 г. Польше ряда районов Западной Украины и Белоруссии с населением в 1.4 млн. человек (45).

При наличии необходимой информации оценка людских потерь выполняется элементарно по следующей формуле:

$$Лп = Ун + Р - Сн \pm Ви,$$

где Лп – людские потери;

Ун = (Нн-Нк) – убыль населения

Нн – численность населения (на 1.1. или 1.VII. 1941 г.)

Нк – численность населения (на 1.VI.1945 г. или 1.1.1946 г.)

Р – число родившихся в течение всего периода

Сн – число умерших при нормальном уровне смертности

Ви – внешние источники (миграции, территориальные изменения)

Использование разными исследователями той информации, которая им кажется наиболее достоверной, приводит к разбросу оценок людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. В этой ситу-

ации предлагать оценки, выполненные с точностью не только до десятков человек, но и до сотен тысяч, означает вводить в заблуждение доверчивых читателей. Как будто предвидя ситуацию с оценками людских потерь, известный советский статистик и демограф А. Боярский писал: «...тонкость «точных» методов оказывается в чересчур большом контрасте с грубостью и сомнительностью исходных предпосылок» (6).

При той исходной информации, которая имеется по каждому элементу расчета, оценки могут быть только примерными и притом интервальными. Не случайно первые оценки людских потерь, которые были сделаны в конце 80-х годов, приводились в виде диапазона значений. Конечно, удобнее называть одну цифру. Ее и привел в своем выступлении последний руководитель СССР – М. Горбачев. Цифра эта -27 миллионов загубленных жизней советских людей.

Чудовищная значимость людских потерь в войне может быть представлена в разных измерениях. Прежде всего, в этом веке Россия (СССР) пережила две мировые войны. Потери только военнослужащих в Великой Отечественной войне, если пользоваться разными источниками, превысили потери в войне 1914–1918 г. в 3.8–4.8 раза (64, 56).

Первая мировая война отличалась принципиально от Второй мировой войны, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, потери воюющих сторон были сравнительно одинаковы: погибло российских военнослужащих 1.8 млн., германских – 2 млн., австро-венгерских -1.8 млн. и французских – 1.4 млн. (64). Во-вторых, в Первой мировой войне военнослужащих гибли много больше, чем гражданского населения – потери их были в 20 раз больше (30), поскольку шла война за передел мира, а не за обезлюживание пространства от значительной части славянских народов, как это было во Второй мировой войне.

Абсолютные и относительные потери СССР не сопоставимы с другими воевавшими странами. Так, людские потери Германии вместе с Австрией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией составили 5.4% к довоенной численности населения, в том числе в Германии – 9.3% , Австрии – 5%, Венгрии – 4.6%, Румынии – 2.3%, Финляндии – 2.3% и в Италии – менее 1% (30). С другой стороны людские потери покоренных стран континентальной Европы, за исключением двух самых крупных восточноевропейских славянских государств – Польши и Югославии, едва превысили 1.4 млн. человек или 1.6%. Польша не досчиталась 12.4% и Югославия – 11% населения. И совсем небольшие потери понесли два государства антигитлеровской коалиции: Великобритания – 0.8% и США на всех театрах военных действий – менее 0.2%. На этом фоне потери Советским Союзом 14% населения, в том числе почти 10% гражданского, подтверждают не столько нашу неподготовленность к войне, сколько то, что нацистским режимом осуществлялся в чудовищных масштабах геноцид русского, белорусского, украинского и других народов СССР.

* * *

Итак, наиболее надежным способом оценки общих людских потерь (гражданского населения и военнослужащих) для страны в целом, является метод демографического баланса, который также как и другие методы, вследствие неполноты и неточности исходной информации, не может гарантировать получение абсолютно точных результатов. Когда разброс численности населения на начало и окончание войны дает разницу в 5.6 млн. человек и когда отсутствует достоверная информация о его естественном движении в военные годы, нужно быть тяжело больным, чтобы оценивать люд-

ские потери не только с точностью до тысяч, но и сотен тысяч человек. Такая статистика, лишённая здравого смысла, становится инструментом спекуляций. Наконец, цифры людских потерь в 27, 26, 28 или в иное близкое количество млн. человек удобны для восприятия и последующих расчетов, хотя очевидно, что оценки следовало бы давать в виде вилки, напр., 26–27 или 27–28 млн. человек. Но для этого надо признать, что представляла из себя в прошлом (о настоящем, как справедливо писал один из авторов Козьмы Пруткова граф А.К. Толстой, лучше помолчим) отечественная статистика и с каким мастерством ею пользовались наши вожди.

Раздел 2

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ РОССИИ В ВОЙНЕ

После любой войны, всегда по ее окончании, а иногда и во время продолжавшихся сражений, подсчитываются людские потери. Не является исключением и Вторая мировая война. Воевавшие страны, включая и победителей, и побежденных, уже в первые послевоенные годы знали, по крайней мере, собственные людские потери. Публиковавшиеся в то время цифры потерь к настоящему времени очень мало изменились. Как уже говорилось, еще в 1946 г. потери Германии во Второй мировой войне были оценены в 6.5 млн. человек. Эта цифра уточняется до сих пор. Тем не менее, большинство поправок, в основном в направлении снижения этой цифры, не выходит за пределы 20 процентов.

Другое дело – «уточнение» людских потерь в СССР. В первом разделе было показано, что официальная цифра людских потерь, опубликованная в Советском Союзе в 1946 г., к началу 90-х годов увеличилась почти в 4 раза. И она продолжает оставаться предметом споров, что, в общем, естественно. Иногда потери вновь пытаются занижить, правда, в небольших пределах (12–13%). Так, С.Н. Михалев в обстоятельной работе, увидевшей свет в 1997 г., и переизданной в 2000 г., прямые военные потери оценивает в 23.568 тыс. человек. (42, с. 7). Вместе с тем, те, кому еще не надоело унижать собственную Родину, продолжают завышать людские потери СССР, часто в 1.5–2 раза.

Отсутствие единого мнения о величине людских потерь не только объяснимо, но и вполне оправдано. Но одно дело обосно-

ванная корректировка цифры, другое – политически ангажированные сочинения, каковыми, без сомнения, являются оценки потерь в 43–46 млн. человек (83). Заметим, что когда предлагается подобная цифра, нужно всегда иметь в виду, что на территориях длительное время бывших в оккупации, проживало к началу войны приблизительно 75 млн. человек, а вместе с районами, в которых гитлеровские войска находились не долго, – близко к 90 млн. Добавим, что в первые месяцы войны из захваченных врагом районов было эвакуировано не менее 10 млн. человек. Следует исключить из общих потерь также гибель военнослужащих, масштабы которой по подсчетам военных специалистов не превышают 9 млн. человек. Из них на долю районов, бывших в оккупации, приходится примерно 4–5 млн. На захваченных врагом территориях, таким образом, проживало приблизительно 75–76 млн. человек. По расчетам М.В. Филимошина численность мирных жителей оккупированных районов на начало 1943 г. составляла не менее 73 млн. (39, с. 126) Согласно логике тех, кто людские потери оценивает в 40 и более млн. человек, в местах оккупации погибла половина мирного населения. Только одна Украина должна была не досчитаться 20 млн. своего населения. Это не просто перебор, это очень большой перебор.

Итак, повторим, что цифра военных потерь в 27 млн. человек (с учетом возможных поправок в большую или меньшую сторону) представляет вполне реальную оценку потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. Это очень страшное число – почти 14% довоенной численности населения страны. На временно оккупированных территориях погиб или был уничтожен почти каждый пятый житель. Эти жертвы – не только результаты кровопролитных боев, когда гибли и военнослужащие и гражданское население, но в большой мере следствие геноцида – планомерного истребления советских людей фашистскими захватчиками.

Советские люди вместе сражались с врагом, вместе погибали на полях сражений, в концлагерях, от рук карателей и т.д. Во время войны, да и в более поздний период никто не делил ни общей победы, ни общих потерь. Вместе с тем, еще до распада СССР предпринимались попытки оценить потери населения в военные годы по отдельным республикам. Эти оценки не были связаны между собой, не объединены общими балансовыми расчетами. Вот некоторые из них. В 1974 г. были названы А.А. Раковым и в 1990 г. повторены А.Я. Квашей потери населения Белоруссии в годы войны. Согласно этим данным с 1941 по 1944 г. фашисты уничтожили 1409 тыс. человек и 378 тыс. угнали в Германию (32, с. 60). В 1980 г. Ю.Е. Власевичем опубликованы уже другие сведения по Белоруссии, где немцы истребили свыше 2.2 млн. местных жителей и военнопленных. В некоторых источниках называется иная цифра потерь – 3 млн. человек в Белоруссии и свыше 1,1 млн. в Прибалтике, в том числе в Латвии и Эстонии – 449 тыс. (51). Ю.Е. Власевич в той же работе пишет, что в годы войны было уничтожено в Латвии – 250 тыс. мирных жителей, в Эстонии – 152 тыс. (вместе – 402 тыс.), Львовской области 700 тыс., Смоленской области – 135 тыс., Одесской – 200 тыс. и т.д. (64. с. 49.). В дальнейшем Л.Е. Поляков и ряд других авторов повторили эти цифры. Некоторые оценки, напр. по Белоруссии, в 1985 г. были опубликованы в Демографическом энциклопедическом словаре. (20. с. 33). Причем в словаре оценки потерь по другим республикам были сделаны таким образом, что свести их воедино не представляется возможным. Так сообщается, что потери по Латвии достигли почти 1/3 численности населения (с. 218), в Литве уничтожено 0.5 млн. мирных граждан (с. 226), население Молдавии за годы войны сократилось, приводятся цифры (с. 261), на Украине погиб каждый шестой житель и 2 млн. было угнано на восточные работы (с. 491), число жителей Эстонии

уменьшилось на 19.3% (с. 540). В цитируемом словаре данные по России отсутствуют. Но даже, если бы они и были, то при такой трактовке потерь по отдельным республикам, получить общие данные просто не возможно. К тому же в общих потерях участвовали и другие республики (гибли военнослужащие). Имеются, правда, попытки подсчитать гибель не только военнослужащих, призванных в тыловых республиках, но и оценить гибель титульного народа, находившегося в годы войны на оккупированных территориях или в местах сражений. Так, Г.П. Лежава считает, что в 1941–1945 гг. Грузия потеряла 350 тыс. своих граждан (39, с. 117). Но это уже повторный счет, поскольку гибель мирных жителей, какой бы они не были национальности, учтена в общих потерях гражданского населения республик, находившихся в оккупации.

Таким образом, до сих пор оценки людских потерь, выполненные методически одинаково, по бывшим союзным республикам отсутствуют. По России, насколько нам известно, имеется лишь одна оценка потерь мирного населения, сделанная М.В. Филимошиным. Он считает, что из гражданского населения России в годы войны погибло 6.1 млн. человек (39, с. 129). В эту цифру он включает потери мирного населения на оккупированных территориях – 5.7 млн. и гибель от голода и холода 0.7 млн. ленинградцев. Вообще то получается не 6.1, а 6.4 млн. Эта неточность, тем не менее, не умаляет значимости оценки потерь гражданского населения, единственной для 90-х годов. Между тем, потребность в оценках общих людских потерь и их обосновании слишком очевидна, но отнюдь не для того, чтобы показать, кто внес более весомый вклад в общую победу, или кто больше потерял людей в этой общей борьбе с фашистским агрессором, а исключительно для того, чтобы воссоздать историю населения России, чтобы оценить ущерб, нанесенный демографическому развитию страны. Подобного рода задача стоит не только перед Россией, но и перед государствами –

республиками бывшего СССР, в первую очередь теми, на чьей территории велись сражения, а также – рядом других европейских стран, возникших из Чехословакии и Югославии.

Глава 1

ПРЕДПОСЫЛКИ ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ ДЛЯ ЧАСТЕЙ СТРАНЫ

Расчеты людских потерь по Советскому Союзу в целом, как было показано выше, сопряжены с огромными трудностями. Но эти трудности многократно возрастают, когда оценки делаются для отдельных частей государства. Оценки людских потерь для стран, бывших в годы войны частями единого государства, сопряжены с часто неустранимыми информационными пробелами. Когда гремят орудия, о статистике думают в последнюю очередь. Да и без этого война всегда оставляет много неизвестного.

Независимо от того, какой метод оценки людских потерь используется, будь то метод прямого счета, метод демографического баланса (76, с. 27–37), этнодемографический метод (78, с. 8–32), не говоря уже о методе пропорционального распределения потерь, он должен исходить из единой предпосылки – общей для СССР величины людских потерь. Иначе сумма оценок людских потерь ныне независимых, а еще недавно союзных республик бывшего СССР, составит немыслимую величину. Сразу заметим, что мы изначально, с момента работы временного научного коллектива, который исчислял общие для Советского Союза людские потери в Великой Отечественной войне, считали и продолжаем до настоящего времени полагать, что эти потери составляют примерно 27 млн. человек. Этой цифры мы и придерживаемся в дальнейших расчетах.

Если опираться на данные специалистов военного ведомства о том, что безвозвратные потери военнослужащих равны 8.7 млн. (17, 43, 15), то тогда на долю гражданского населения будет приходиться 18.3 млн. человек. Собственно, приняв иную, чуть меньшую цифру общих потерь, например – 26.6 млн. (28) или 26549 тыс. (72), мы выходим на оценку потерь гражданского населения в 17,9 млн. человек, что лишь на 0.4 млн. или на 1.5% ниже.

Независимо от того, какой метод применяется для определения людских потерь, он неизбежно обесценивается неполнотой и неточностью исходной информации, относится ли она к официальным данным о численности населения накануне и по завершении войны, его естественном движении в военные годы, или к сведениям о погибшем гражданском населении, собранным Чрезвычайной государственной комиссией в освобожденных районах, и т.д. Разночтения встречаются даже тогда, когда разные авторы пользуются одним и тем же источником информации. Как уже говорилось, по данным А.А. Шевякова на оккупированных территориях фашисты преднамеренно уничтожили 11.3 млн. человек (91, с. 16). В это же время П. Полян, ссылаясь на данные той же ЧГК, утверждает, что на оккупированных территориях погибло мирного населения и военнопленных примерно 11 млн. человек (65, с. 369). Если учесть, что в этих районах Советского Союза было уничтожено свыше 1.7 млн. военнопленных (91, с. 16), то окажется, что мирных жителей погибло чуть больше 9 млн.

Гибель военнопленных входит в безвозвратные потери военнослужащих. Здесь лишь заметим, что в число уничтоженных военнопленных могли попасть и гражданские лица, а в гражданском населении наверняка были и бывшие военнослужащие. Среди населения России, попавшего в оккупацию, были и местные жители, и бежавшее туда от войны население из Украины, Белоруссии, Прибалтики. В свою очередь в этих республиках оказалось много

представителей России: лиц, проводивших там отпуска, семей военнослужащих и т.д. Поэтому среди погибших были и те, кто с довоенных времен проживал на данной территории, и те, кто туда мигрировал из других местностей. Эти две категории населения смешивались. К тому же записи велись со слов тех, кто остался живым в районах оккупации, достоверными сведениями они могли и не располагать, тем более что судьба многих отсутствующих оставалась неизвестной еще долгое время после освобождения не только этой местности, но и страны в целом.

Наглядный пример достоверности оценки гибели населения – сведения по Ленинграду. До сих пор неизвестно, сколько мирного населения погибло в блокадном городе. Так, для Ленинграда и одноименной области А.А. Шевяковым приводится цифра погибших в 1.4 млн. человек (91, с. 4), тогда как по данным П. Поляна погибло, прежде всего, вследствие блокады, более 700 тыс. человек (65, с. 369). Этой же цифры придерживается и М.В. Филимошин (39, с. 129) Оба первых автора пользуются материалами ЧГК. По мнению академика Д. Лихачева подобные цифры о гибели ленинградцев сильно приуменьшены. Он считал, что во время блокады в осажденном городе погибло значительно больше, мотивируя тем, что туда бежали от наступающего врага многие жители сельских районов, которых никто не учитывал, хотя они и пополняли число погибших.

Аналогичным образом, нельзя считать абсолютно достоверной и цифру погибших военнослужащих. В частности, С.Н. Михалев, полагает, что величина безвозвратных потерь военнослужащих примерно на 2.2 млн. больше той, которую предложило военное ведомство (42, с. 28). Не вдаваясь в спор, заметим, что общая величина людских потерь, исчисленная методом демографического баланса, от увеличения или уменьшения потерь военнослужащих не меняется, хотя меняется соотношение в потерях военнослужащих и

гражданского населения. В первом случае оно составляет $1/3$ и $2/3$, а во втором случае – $2/5$ и $3/5$. Следует привести и третье соотношение, которое получается, если использовать, сделанную С.Н. Михалевым оценку общих потерь Советского Союза в 23.6 млн. человек (42, с. 7). При потерях военнослужащих в 10.9 млн., на долю гражданского населения остается – 12,7 млн. Тогда отношение гибели гражданского населения и военнослужащих составляет 1 к 1.17 (54 и 46 процентов).

То, что первое из полученных соотношений более правдоподобно, подтверждается таким соображением. В Германии, Венгрии и Румынии, военные действия на территории которых, продолжались не более 4–6 месяцев, и где не проводилась политика целенаправленного уничтожения населения, как это имело место в Польше, Югославии и СССР, соотношение в потерях военнослужащих и гражданского населения составило 1 к 1. Добавим, что основные сражения происходили на советской территории, где наряду с потерями солдат Вермахта и Красной Армии, гибло советское, а не германское население. В нашей стране оккупация и связанное с ней уничтожение гражданского населения продолжались 2,5–3 года. Во многих местностях шли длительные бои, населенные пункты иногда переходили из рук в руки по несколько раз. Некоторые из них уничтожались вместе с населением, как в результате ожесточенных боев, так и вследствие карательных операций фашистов. Добавим многомесячные осады и блокады (Ленинград, Севастополь, Одесса и др.), бомбежки и обстрелы городов, особенно не сдававшихся врагу. В результате военных действий и карательных операций, проводимых фашистскими войсками против партизан, на оккупированной территории, повторим, были полностью или частично разрушены и сожжены 1710 городских и более 70 тысяч сельских поселений. Многие населенные пункты уничтожались с тем населением, которое там проживало. Так, только в Белоруссии фаши-

стами были сожжены вместе с их жителями 628 деревень и сел. (39. с. 179) Следовательно, города и села – это не просто материальные ценности, это – сотни тысяч или даже миллионы жизней. Значит, соотношение погибших военнослужащих и гражданского населения в СССР никак не может быть таким же, как в Германии и союзных с ней странах (74, с. 98).

Особенно большие искажения в оценки людских потерь для отдельных частей единого государства вносят внутренние миграции населения. Приводимые в публикациях сведения о численности эвакуированного или мигрировавшего населения из районов, откуда отступали наши войска, не только противоречивы, но порой, просто фантастичны. В таблице 2.1. приводится далеко неполный их перечень.

До начала перестройки в публикациях об эвакуированном населении обычно приводилась цифра около 25 млн. человек. Исключение – работа военных историков, где эта цифра была заметно ниже. (27). А далее началась «полная демократия». Поэтому даже данные о миграции населения из оккупированных фашистскими войсками районов, приводимые в статьях М. Филимошина, Г. Куманева и Ю. Полякова, опубликованные в одном и том же сборнике, отличаются весьма существенно.

Таблица 2.1

Численность населения мигрировавшего (эвакуированного) в тыловые районы страны

Численность мигрантов (млн. человек)	Автор	Год	Источник
10.4	М и н . о б о р о н ы СССР	1961	27.с.548
Около 25	Ш. Мунчаев	1975	44
Около 25	И. Гурович	1976	18
Около 25	Л. Поляков	1985	64

Более 12	Госкомстат СССР	1987	49.с.43
10	А. Шивяков	1991	90
Около 15	М. Филимошин	1995	39
17	Г. Куманев	1995	39
Более 20	Ю. Поляков	1995	39

Наиболее подробные сведения о численности мигрировавшего населения приводит Г. Куманев. По его данным на начальном этапе войны из Прибалтики успели выехать 100 тысяч человек, в т.ч. из Эстонии – 60 тыс., из Украины выехало 4 млн., Белоруссии – 1.5 млн., Молдавии – 300 тыс., Ленинграда – 773.6 тыс., Мурманской области – до 200 тыс., Карелии – 500 тыс., Москвы – до 2-х млн. человек. В 1942 г. мигрировали из Донбасса, Черноземья и Северного Кавказа до 1 млн. человек (39, с. 141–144). К сожалению, подробность – еще не достоверность. В частности, большие сомнения вызывают цифры по Карелии. Как могло из этого района выехать 500 тысяч человек при общей численности населения республики, составлявшем накануне войны 470 тыс.?

Численность населения эвакуированного из Ленинграда у Г. Куманева значительно меньше, чем ее называет Л. Поляков. По его данным в январе-ноябре 1942 г. из Ленинграда через Ладожское озеро было эвакуировано около 1 млн. человек. Данные об объемах миграции Л. Поляков заимствует из работы И. Гурвича, а последний использует для подсчетов сведения из публикаций 1961, 1966, 1971 и 1975 гг. Кто пустил в оборот эту цифру трудно сказать. Информация Госкомстата СССР об эвакуированном населении в военные годы включает 10 млн. тех, кто воспользовался железнодорожным (у И. Гурвича и Л. Полякова – 10.4 млн.), и 2 млн. – водным транспортом. Добавим, что наверняка было много тех, кто покидал

районы боевых действий на автомобильном и гужевом транспорте, а также пешком.

По мере освобождения оккупированных территорий от фашистских войск многие возвращались обратно. Часть мигрантов была призвана в армию, некоторые из них погибли. Остаются неизвестными данные не только о миграции в начале войны, но и о перемещениях населения во второй половине 40-х годов, когда возросли масштабы обратной миграции и т.д. Все эти явления не поддается сколько-нибудь объективному измерению, а ведь на их основе делаются оценки численности населения для послевоенных лет, вплоть до первой послевоенной переписи населения (1959 г.). К сказанному необходимо добавить, что для районов, откуда мигрировало население в годы войны, оценки людских потерь, особенно при использовании метода демографического баланса, завышаются, а для районов, принявших мигрантов, соответственно, – занижаются.

Очевидно, что столь ненадежные исходные данные о гибели гражданского населения и военнослужащих, а также абсолютная неопределенность сведений о возможных масштабах миграции, обесценивают все более или менее часто используемые методы исчисления людских потерь, и не могут гарантировать получение сколько-нибудь точных результатов. Это надо всегда иметь в виду, когда выполняются оценки людских потерь, будь то для России, Украины и других ныне независимых государств.

Глава 2

ПРОПОРЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРЯМОЙ МЕТОДЫ

а) Метод пропорционального распределения потерь.

Непременным условием применения метода пропорционального распределения потерь является предположение о том, что это явление проявляет себя во всех частях совокупности с одинаковой интенсивностью. Именно это условие как раз и отсутствует при исчислении людских потерь по территориям СССР. Как уже отмечалось, не все союзные республики полностью или хотя бы частично подверглись оккупации. Кроме того, данные о гибели гражданского населения на временно оккупированных территориях и сведения о количестве лиц, угнанных на работы в Германию, существенно отличаются в зависимости и от времени нахождения территории в руках врага, и от ожесточенности боев, и от размаха партизанского и подпольного сопротивления захватчикам, а, следовательно, от жестокости карательных операций. Существенно отличен был и характер сражений (масштабы, ожесточенность боев и др.) в разных районах страны. Блокада Ленинграда, продолжавшаяся 2.5 года, многомесячная оборона полностью разрушенного Сталинграда, грандиозная битва на Курской дуге, протянувшейся более чем на 550 км., гибель огромного количества ополченцев на подступах к Москве, отличаются от многих сражений и героической обороны ряда населенных пунктов, будь то Брест или Севастополь, не своей ожесточенностью и стойкостью воинов, а масштабностью. Очевидно, что никакое пропорциональное распределение потерь учесть эти различия не может. Поэтому простое распределение потерь гражданского населения по удельному весу численности жителей тех территорий, которые находились в оккупации, а военнослужащих – по доле союзных республик в населении страны, было бы неверным.

Согласно данным ЧГК на территориях, которые длительное время находились в оккупации (в среднем 2–2.5 года), учтенная доля лиц истребленных фашистами составила 4% к довоенной численности населения. Примерно 8.4% населения этих районов было угнано на принудительные работы в Германию. На территориях, которые либо недолго, либо частично были в оккупации, погибло чуть меньше одного процента. Вместе с угнанными на принудительные работы, это составляет 1.5%, т.е. почти в 8.3 раза меньше по сравнению с первой группой территорий.

Имеются и внутри этих групп существенные различия в гибели гражданского населения и его вывозе на принудительные работы. В первой группе более всего пострадали Ленинградская (погибло и было угнано в Германию 28.3% населения), Псковская (17.4%), Новгородская (15.7%), Брянская (12.7%) и Смоленская (8.5%) области. Во второй группе более всего пострадали Орловская (7.7%) и Волгоградская (5.8%) области, а также Краснодарский край (3.4%). Доля погибшего и угнанного на восточные работы населения из северокавказских автономных республик не превысила 0.5%. Столь низкий процент в какой-то мере можно объяснить трудностями получения информации во время работы ЧГК. В целом данные, приводимые ЧГК в разрезе российских областей и суммарно, отличаются весьма существенно.

Для применения метода пропорционального распределения численности погибших необходимы, помимо сведений об общей величине потерь, причем отдельно по военнослужащим и гражданскому населению, также данные о численности населения в предвоенные и послевоенные годы. Важно выбрать те из них, к которым относятся более или менее достоверные оценки численности населения по всем территориям, бывшим в оккупации. Располагая такой информацией, можно рассчитать темпы изменения численности населения отдельно по группам районов, которые длительное и непродолжительное время находились в оккупации (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Динамика населения территорий СССР, бывших в оккупации

Бывшие в оккупации союзные республики и регионы России	Численность населения (на начало года, млн. человек)			Темпы изменения численности населения (%)	
	1939	1951	1959	1951 к 1939	1959 к 1939
Украина, Белоруссия, Молдавия и Прибалтика	57.7	50.6	58.9	87.7	102.1
Районы России, бывшие в оккупации	30.5	25.3	27.8	83.0	91.1
Из них:					
1 группа – оккупированные длительное время	12.6	10.3	10.8	81.4	85.7
2 группа – оккупированные непродолжительное время	16.2	13.4	15.2	82.8	93.8
3 группа – бывшие в оккупации районы Северного Кавказа	1.7	1.6	1.8	94.6	105.9
Все территории СССР, бывшие в оккупации.	87.2	75.9	86.7	87.0	99.4

Из таблицы 2.2 следует, что темпы сокращения численности населения территорий России, бывших в оккупации, в послевоен-

ные годы были выше, чем в подвергшихся захвату врагом союзных республиках (суммарно). Причем, еще и к началу 1959 г. численность населения российских территорий не достигла уровня 1939 г.

Существенно различались и темпы изменения численности населения по группам районов. Наиболее значительно пострадали во время войны районы 1 группы. В 1959 г. численность населения этой группы областей была на 15% ниже, чем в довоенное время. Очевидно, что в этих условиях распределить общие людские потери пропорционально доле гражданского населения оккупированных территорий было бы не верно. При таком делении на долю России пришлось бы 1/3 потерь гражданского населения или менее чем 6.5 млн. человек.

Для более точного расчета можно использовать подход, который учтет и динамику населения, и его долю в общем числе жителей на оккупированных территориях. Выглядит эта формула так:

$$РП = (ОП \times ТО \times ДР) : ТР,$$

где РП – потери гражданского населения России,
ОП – общие потери гражданского населения (всей страны),
ТО – темпы изменения численности населения всех районов, бывших в оккупации,
ДР – доля России в населении оккупированных территорий,
ТР – темпы изменения численности населения российских регионов, бывших в оккупации.

Исходя из представленной в таблице 2.2. информации, возможны два варианта расчета: по динамике населения 1939–1951 гг. и 1939–1959 гг. В первом случае потери гражданского населения на территориях России (оккупированных полностью и надолго, а также частично и на непродолжительное время) составят 6.694 тыс. человек. Во втором случае – 6.969 тыс. Хотя на оба варианта расче-

тов существенно влияют результаты миграционного движения населения (в 1939–1950 гг. и в 1939–1958 гг.), тем не менее, они дают округленно близкие результаты 6.7–7 млн. человек. К этим цифрам следует прибавить гибель военнослужащих, но определять ее пропорционально доле России в населении Советского Союза, вряд ли допустимо, что будет показано ниже.

б) Метод прямого счета людских потерь.

При существующей информации сфера применения прямого метода ограничена, поскольку для его использования в чистом виде необходимы полные сведения о погибших, как среди военнослужащих, так и гражданского населения в местах сражений, его уничтожении врагом на оккупированных территориях, в концлагерях и т.д. На практике прямой метод приходится комбинировать с пропорциональным для распределения общих для страны потерь. Таким образом, выполнены расчеты потерь гражданского населения, которые предусматривают два варианта.

Вариант 1. Сведения о гибели гражданского населения на временно оккупированной территории, собранные ЧГК, наиболее подробно опубликованы А.А. Шевяковым. Согласно этим данным на оккупированных территориях России фашисты преднамеренно истребили 5591 тыс. человек (у П. Поляна эта цифра – 656 тыс. человек). Всего для СССР эта цифра составляет 11309 тыс. человек (90, с. 16). Таким образом, на долю России пришлось 49.4%. Это при условии, что доля населения, проживавшего на оккупированных территориях России, составляла менее 1/3. Причем более 3/5 населения находилась в оккупации недолго.

Помимо гибели населения во время боев и оккупации, часть его, преимущественно лица молодых возрастов, угонялись фашистами на работы в Германию и другие страны. Всего так называемых остарбайтеров из Советского Союза было угнано 4129 тыс. че-

людей, в числе которых 1269 тыс. из России, что составляет 30.7%. (65, с. 8) По данным В.Н. Земскова по состоянию на март 1946 г. из числа остарбайтеров было репатриировано в страну 2591 тыс. человек. (22, с. 10) Спор о том, сколько осталось на Западе, не принципиален для расчетов. Важно – сколько людей вывезено, и какая часть их вернулась. В соответствии с имеющимися данными, вернулось около 63%. Очевидно, что процент возвратившихся не одинаков для разных районов бывшего СССР, как не одинакова доля погибших и не вернувшихся остарбайтеров. В целом по СССР она составила 37%. Если допустить, что остарбайтеры из России вели себя в неволе также как и выходцы из других частей страны, то, применяя пропорциональное распределение, получим, что на долю России приходится почти 0.5 млн. не вернувшихся (в основном погибших) остарбайтеров. Цифра эта скорее всего занижена.

Таким образом, примерная численность погибшего мирного населения России составляет 6.1 млн. человек. Цифра эта не столь впечатляет, если в качестве исходной принять данные А.А. Шевякова о потерях гражданского населения на всех оккупированных территориях. Он, оценивая все потери в 20.8 млн. человек, включает в эту цифру 11.3 млн. расстрелянных фашистами в лагерях и по месту жительства, 6.5 млн. – от организованного оккупантами голода, а также эпидемий и 3 млн. – погибших на немецкой каторге (90, с. 17). При этой, как подмечено П. Поляном, с чем мы согласны, по этой завышенной оценке гибели гражданского населения, на долю России пришлось бы более 10 млн. человек. Заметим, что на всех оккупированных (полностью и частично) территориях России, до войны проживало чуть больше 30 млн. человек. При этом часть из них находилась в армии, часть мигрировала в районы не занятые врагом, а часть была вывезена на принудительные работы в Германию. Реально на временно и частично оккупированных territori-

ях могло находиться во время войны не более 25 млн. человек. С этой цифрой потери в 10 млн. человек трудно сопоставимы.

Вариант 2. Чтобы оценить все потери гражданского населения, следует помимо учтенных ЧГК (5.6 млн.), пропорционально распределить неучтенные потери. Согласившись с тем, что потери гражданского населения по СССР в целом составляют 18.3 млн. человек, а учтенные ЧГК – 11.3 млн. окажется, что на долю неучтенных (сюда войдут также погибшие оstarбайтеры, перемещенные лица и др.) остается 7 млн. мирных граждан. Доля России в числе истребленного и погибшего населения на оккупированных территориях согласно ЧГК составляет 49.4%. Тогда на ее долю приходится неучтенных потерь гражданского населения при пропорциональном распределении примерно 3.458 млн. человек (7 млн. x 0.494.) В этом случае суммарные потери гражданского населения России составят чуть более 9 млн. человек, что равно примерно одной трети всего мирного населения, проживавшего с довоенных времен на оккупированных полностью и частично территориях и бежавших от войны, но осевших там мигрантов.

Глава 3

МЕТОД ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БАЛАНСА

Наиболее обоснован для оценки людских потерь метод демографического баланса. Собственно с помощью этого метода были исчислены людские потери Советского Союза в Великой Отечественной войне. Этот метод предполагает наличие сравнительно достоверных сведений о численности населения, в данном случае России, на начало и окончание войны, о числах родившихся в военные годы, естественной смертности за тот же период, сальдо межреспубликанской миграции (внешней для России относительно

ныне независимых государств). Естественно, что все эти цифры в той или иной степени имеют приближенный характер.

О численности населения на начало войны имеются данные статистических органов СССР и России, оценки, сделанные Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским и Т.Л. Харьковской, извлеченные В.С. Кожуриным из архивов закрытые в довоенное время официальные материалы о численности населения в 1940 и 1941 гг. (35) и другие сведения. Для использования балансового метода наиболее пригодными являются материалы статистических органов и оценки, сделанные АДХ, поскольку они относятся и к последним предвоенным и к первым послевоенным годам. Эти, округленные нами данные, сведены в таблице 2.3.

Таблица 2.3

**Население России в предвоенные и послевоенные годы
(на начало года, млн. человек)**

Источник данных	1939	1940	1941	1946	1951	1959
Госкомстат СССР и России (73, с. 10; 52, с. 32)	108.4	110.1	111.4	96.5	102.9	117.5
Оценка АДХ (28, с.158-160)	107.9	109.7	111.0	97.5	103.6	117.6

Статистические ведомства, будь то Госкомстат (ЦСУ) СССР или России, с завидным постоянством почти во всех публикациях приводят одни и те же сведения о численности населения.

Отличия данных, приводимых в статистических изданиях, от тех оценок, которые дают ученые, подведомственного Госкомстату НИИ, состоят в том, что вторые, корректируют довоенные цифры в сторону снижения, одновременно увеличивая численность послевоенного населения. Это относится даже к переписным данным. Корректировка довоенных цифр на один млн. человек основывается на том, что численность населения последней предвоенной пе-

реписи была завышена, а цифры для первых послевоенных лет увеличиваются и по родившимся и по умершим на основании поправок на неполноту регистрации. Правда такая поправка для 1946–50 гг. дает прибавку естественного прироста всего в 0.2 млн. человек (28, с. 161–162). Остальные 0.8 млн., видимо, относятся к поправкам на миграцию. Миграция – это ахиллесова пята всех поправок, так же как и всех демографических прогнозов.

АДХ для периода 1946–50 гг. приводят следующие суммарные сведения о межреспубликанской миграции: за пять лет прибыли в городские поселения России 5.2 млн. человек, выбыли из городских поселений в другие республики – 4.5 млн., прибыли в городские поселения других республик – 4.0 млн. и выбыли из городских поселений в Россию – 2.4 млн. Мы округлили эти сведения. Прежде всего, они не полны, т.к. отсутствуют данные о миграциях из сельских местностей России в сельские местности других республик. Далее. Нам уже приходилось писать о том, что записи о пунктах назначения и действительные пункты вселения – это отнюдь не одно и то же. Переезды и регистрации также не совпадают по времени (77, с. 20–22). Помимо перечисленных, еще многие другие обстоятельства влияют на точность учета миграции населения даже в настоящее время, а ведь речь идет о первых послевоенных годах. Приведем характерный пример. В общем числе прибывших в городские поселения России в 1946 г. на долю приехавших «неизвестно откуда» приходилось 74%. Можно ли при таких данных о межреспубликанской миграции с уверенностью судить о численности населения, да еще с точностью до тысяч человек, причем распределенной по пятилетним возрастно-половым группам?

Корректировки численности населения, если эти данные не предназначены для расчета людских потерь, будь то от войны или от репрессий, сами по себе безобидны. Но поскольку у авторов с аббревиатурой АДХ занижена по сравнению с данными статисти-

ческих ведомств исходная численность населения и завышена конечная величина, это сразу же гарантирует при оценках людских потерь получение наиболее низких результатов. Так, по данным статистических органов численность населения России с 1941 г. по 1946 г. сократилась на 14.9 млн. человек, а, согласно данным АДХ, сокращение составило 13.5 млн. За десятилетие 1941–1950 гг. эта разница уменьшилась, прежде всего, за счет высокого естественного прироста населения: в первом случае до 8.5 и во втором – до 7.4 млн. человек.

Полученные по данным статистических органов и АДХ разности в 14.9 и 13.5 млн. человек, прежде всего, следует увеличить на число родившихся в 1941–1945 гг. Это число можно оценить видимо только для всей России. Первая половина 1941 г. еще была мирной, затем началась война. В 1944 г. и первой половине 1945 гг. боевые действия велись уже за пределами России. Поэтому рождаемость вначале сократилась, а затем стала возрастать. Определить числа родившихся по отдельным годам намного труднее, чем в целом для пятилетия, да собственно ежегодные числа и не нужны для оценки потерь.

Для расчета численности родившихся в 1941–1945 гг. воспользуемся данными о рождаемости в 1936–1940 и 1946–1950 годы (28, с. 161–162), а также сведениями о числах доживших из них до возраста 42–28 лет к 1979 г. (табл.2.4.) Возрастной состав населения в публикациях более ранних переписей (1959 и 1970 гг.), к сожалению, отсутствует.

Таблица 2.4

Число родившихся в предвоенное и послевоенное пятилетия и доля доживших в 1979 г. до возраста 42–28 лет

Годы рождения	Число родившихся (тыс. человек)	Возраст доживших в 1979 г.	Численность доживших в 1979 г. (тыс. человек)	Доля доживших до 1979 г. к числу родившихся (%)
----------------------	--	-----------------------------------	--	--

1936–40	19833	42-38	11535.6	0.582
1941–45	...	37-33	6013.3	...
1946–50	13075	32-28	10705.4	0.819

Число родившихся в годы войны можно определить по средней доле, равной их полусумме для двух смежных периодов (1936–40 и 1946–50 гг.). Доля доживших к 1979 г. до 37–33 лет составит 0.7. Если в качестве исходных данных для расчета указанного коэффициента принять доли доживших к 1979 г. до 39–38 лет (родились в 1939–40 гг.) и до 32–31 года (родились в 1946–47 гг.), то его величина составит – 0.673. Тогда число родившихся в 1941–45 гг. будет в первом случае – 8.6 и во втором – 8.9 млн. человек.

Следует заметить, что лица, родившиеся в предвоенные и военные годы частично были истреблены фашистами во время оккупации захваченных территорий. Поэтому доли родившихся в 1946–50, 1951–55 и 1956–60 годы и достигшие к переписи населения 1989 г. возраста 42–38, 37–33 и 32–28 лет, оказались выше данных, приводимых в таблице 2.4. Они соответственно составляют 0.792, 0.862 и 0.934. Если доли лиц, доживших до одинакового возраста в 1979 и 1989 г., разделить одна на другую, то получатся следующие соотношения (табл. 2.5.)

Таблица 2.5

**Удельный вес лиц, доживших в 1979 и 1989 гг.
до возраста 42–28 лет (%)**

Возрастные группы	Доля доживших до данного возраста		Отношение 1989 к 1979
	в 1979 г.	в 1989 г.	
42–38	0.582	0.792	1.361
37–33	0.700–0.673	0.862	1.231–1.281
32–28	0.819	0.934	1.140

Очевидно, что смертность у родившихся в первые послевоенные годы в небольшой степени отличается от смертности у родившихся в начале 50-х годов. Наоборот, смертность родившихся в довоенные годы отличается существенно: в первом случае в 1.14 и во втором – в 1.34 раза. Трудно допустить, что смертность лиц, родившихся в годы войны, была ниже, чем у детей более старших возрастов, родившихся накануне войны. Поэтому соотношения 1.231–1.281 явно занижены, как и исходные коэффициенты – 0.7 и 0.673. Если принять коэффициент превышения в 1.361, то соответственно доля лиц родившихся в годы войны и доживших к 1979 г. до 37–33 лет составит 0.634 и, соответственно, численность родившихся в 1941–45 гг. – 9.5 млн. человек. Если к разнице между численностью населения в 1941 и 1946 гг. прибавить численность родившихся (примем 9 млн., среднее число между 8.6 и 9.5), то получим для 1 варианта исходную величину для дальнейших расчетов в 23.9 млн. и для 2 варианта – 22.5 млн. человек. В этих числах заключены три неизвестные величины: естественная смертность, миграционный прирост (убыль) и собственно людские потери.

Чаще всего, когда определяют естественную убыль населения, используют для этого показатели естественного прироста (убыли) в годы предшествующие войне (1940 или 1939 гг.) и в те послевоенные годы, по которым опубликованы подобные показатели. Наиболее доступными являются обычно показатели естественного прироста населения в 1940 и 1950 гг. Эти показатели по СССР опубликованы уже в 1956 г. – первом послевоенном статистическом сборнике (45, с. 243). В последующих изданиях они изменились незначительно. Естественный прирост населения России в 1940 г. составлял 12.4 на 1000 населения и в 1950 г. – 16.8. (55, с. 70). Для военных лет принимают обычно средние значения, т.е. в данном случае показатель

14.6 на 1000 населения, умноженный на 5 (годы войны). Так поступают многие, например, С.Н. Михалев (42, с. 6).

Однако, использование показателей естественного прироста в смежные с войной периоды, для оценки возможного прироста в военные годы необоснованно, и уже хотя бы потому, что уровень рождаемости, а, следовательно, и величина младенческой смертности, не могут быть приняты, исходя из показателей мирного времени. Выше было показано, что число родившихся в 1941–45 гг. в 2 с лишним раза меньше, чем в предвоенный период и в 1.5 раза ниже по сравнению с первыми послевоенными годами.

Для определения естественной смертности в 1941–45 гг. необходимы данные именно об этом явлении за смежные периоды. Благодаря титаническому труду, затраченному Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским и Т.Л. Харьковской, стало возможным пользоваться статистическими данными об умерших в России в 30–50 гг. XX столетия. Согласно имеющимся статистическим данным, в 1936–40 гг. число умерших в России составило 10980 тыс. человек и в 1946–50 гг. – 5733 тыс. Средняя из этих величин дает 8.4 млн. человек. Но численность населения во второй половине 40-х годов была меньше, чем во второй половине 30-х годов. Среднегодовые величины составляют 106.4 и 99.4 млн. человек (28, с. 157–160), т.е. первая больше второй в 1.07 раза. В связи с этим число умерших в военные годы следует увеличить на 7%. Тогда оно составит 9 млн. Но в это число входит завышенная младенческая смертность, поскольку в военные годы родилось в 2 с лишним раза меньше, чем в предшествующие 5 лет. Поэтому общее число умерших в военные годы даже при неизменных показателях младенческой смертности должно быть на 1.5–2 млн. человек меньше, иначе говоря, оно составляет примерно 7–7.5 млн. человек.

Подобное число получается и при использовании относительных показателей, т.е. общих коэффициентов смертности. Если при-

нять в качестве расчетных для 1941–1945 гг. средние показатели смертности, исчисленные по фактическим данным исходного (1940 г. или 1936–1940 гг.) и конечного периодов (1946 г. или 1946–1950 гг.), то получится среднегодовой общий коэффициент смертности населения, равный 15.9 промилле. (1.с.157–161). Заметим, что в исходный период общие коэффициенты смертности населения примерно вдвое превышали их уровень как в 1946–1950 гг., так и в первом послевоенном 1946 г. И это несмотря на многие факторы, ухудшившие здоровье населения в 1941–1945 гг. Можно, правда, предположить, что в военные годы в значительной мере вымерли слабые и больные люди. К тому же важную роль в снижении смертности сыграли успехи медицины, чему, кстати, в немалой степени способствовала война. Очевидно, что не последнее место среди причин сокращения смертности принадлежит моральному фактору. По мере успехов Советской Армии, завершившихся полным разгромом фашистских полчищ, резко улучшилось самочувствие населения. Причем населению, в том числе и вернувшимся с фронта военнослужащим, не требовалось никакой реабилитации, так как люди знали, за что они сражались и они верили в лучшие дни.

На основании данных о средней численности населения в 1941–1945 гг. (104.3 млн. человек) и среднем для этих лет общем коэффициенте смертности (15.9 промилле) получается величина естественной смертности населения в военные годы. Она должна составлять 8.3 млн. человек. Как отмечалось раньше, эта величина завышена, т.к. включает в себя и ту часть младенческой смертности, которая относится к не родившемуся в годы войны населению. Накануне войны коэффициент младенческой смертности в России составлял 205.2 промилле, т.е. умирал каждый пятый из числа родившихся. По окончании войны этот показатель сократился почти вдвое. Фактические данные о числе родившихся в 1945 г. отсутствуют. Поэтому нельзя исчислить коэффициент младенческой смертности для 1946 г.

Это сделать можно, начиная с 1947 г. В этом году показатель смертности детей в возрасте до одного года равен 109 промилле (в 1950 г. он равнялся 88.4). Средний коэффициент младенческой смертности для 1941-1945 гг. составит 157 промилле. Из родившихся в военные годы 9 млн. детей должно было умереть 1.4 млн., а от возможного числа родившихся, не будь войны (16.1 млн.) умерло бы 2.5 млн. Следовательно, разницу в 1.1 млн. нужно вычесть из естественной смертности. Тогда величина естественной смертности населения составит 7.2 млн. человек. Эту цифру, среднюю между 7 и 7.5 млн., и можно принять для последующих расчетов.

Таким образом, разность между численностью населения в 1941 и 1946 гг., увеличенная на число родившихся в годы войны, должна быть уменьшена на величину естественной смертности. Конечно, грань между естественной и насильственной смертью во время войны ничтожна и это надо помнить при оценке ее величины. Но при этом понятно, что чем больше естественная смертность, тем меньше людские потери и наоборот. Тогда по первому варианту остается нераспределенный остаток в 16.7 и по второму варианту – 15.3 млн. человек.

Полученный остаток включает два компонента: сальдо межреспубликанской миграции населения в 1941–45 гг. и людские потери России в Великой Отечественной войне. Разделить этот остаток на составляющие его части при существующей информации о миграционных перемещениях в годы войны нельзя, даже применяя метод демографического баланса. Дело в том, что население, мигрировавшее из районов, которые оставляли наши войска, оседало не только в России, но и в Средней Азии и Казахстане, часть его призывалась в армию, часть по ходу освобождения захваченных врагом территорий возвращалась обратно и т.д. Именно поэтому балансовый метод не способен дать ответ на вопросы: каковы объемы миграционного сальдо и какова величина людских потерь. Но

при наличии сведений о людских потерях, рассчитанных с помощью других методов, становятся очевидными и результаты миграции населения в военные годы.

Глава 4

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД

Этот метод был разработан нами и использован для оценки численности остарбайтеров, приходящихся на долю России, и доживших к началу 1999 г. (78). В модифицированном виде этот метод может быть применен и для оценки людских потерь. Отличие методик оценки численности остарбайтеров и людских потерь состоит в том, что в первом случае из общей совокупности остарбайтеров определяется то их число, которое дожило до наших дней и относится к гражданам России, а во втором – потери населения СССР в годы Великой Отечественной войны распределяются по его частям, бывшим союзным республикам. Таким образом, применение этнодемографического метода предполагает использование в качестве исходной величины общие для страны людские потери (в данном случае 27 млн. человек). Второе общее условие заключается в том, что необходимы оценки потерь гражданского населения и военнослужащих. В качестве общих исходных потерь первых и вторых принимаются цифры – 18.3 и 8.7 млн. человек. Потери гражданского населения должны быть распределены по бывшим союзным республикам, территории которых полностью или частично во время войны находились в оккупации, а потери военнослужащих – по всем государствам, возникшим на постсоветском пространстве.

В общих чертах суть этнодемографического метода состоит в том, что людские потери для отдельных частей (ныне государств),

определяются из потерь тех этносов или точнее национальностей, которые относятся к государствообразующим. Перенесение расчетов на этносы сразу же устраняет основную информационную трудность: становятся ненужными данные о миграции населения. Тем не менее, как и при использовании традиционных методов, применение этнодемографического метода также сталкивается с информационными трудностями. Главная из них состоит в том, что остается еще более неопределенным, чем численность населения территорий, вошедших в состав СССР, его национальный состав. Это существенно искажает исходную для расчетов базу.

Оценка людских потерь с помощью этнодемографического метода предполагает оценку людских потерь по каждому из основных этносов и распределение этих потерь по отдельным частям бывшего государства. В данном случае все расчеты ведутся для России, хотя они также могут быть выполнены для Украины, Белоруссии и других государств нового зарубежья. Методика расчетов основана на использовании той же формулы, что и в случае пропорционального распределения общих людских потерь. При этом суммарные потери гражданского населения России формируются из потерь лиц основных национальностей, являющихся титульными для наиболее крупных союзных республик, территория которых полностью или частично находилась в оккупации.

Для осуществления расчетов, прежде всего, необходимы сведения об общей численности населения и основных национальностей тех республик, которые полностью или частично находились в оккупации, по состоянию на начало и окончание войны. К сожалению, первая послевоенная перепись была проведена лишь в начале 1959 г. Поэтому послевоенная демографическая динамика существенно зависит как от миграции, так и от естественного движения населения. Еще хуже обстоит дело с информацией о национальном составе

предвоенного населения. Такая информация имеется по переписи 1937 г. и 1939 г. Она может быть использована без существенной корректировки лишь для России. По другим республикам, бывшим в оккупации, она либо неполная (Украина, Белоруссия), либо полностью отсутствует (Прибалтика). Причем численность населения этих республик накануне войны значительно изменилась (табл.2.6).

Можно предположить, что в составе населения территорий, вошедших в Украину и Белоруссию, было не очень много представителей титульных народов России, а распределение остальных этносов соответствовало переписной (1937 г.) структуре того же набора национальностей в населении этих союзных республик. Необходимо, правда, из численности населения, влившееся в состав Украины, исключить один млн. поляков – результат межгосударственного миграционного обмена, осуществленного по окончании войны. С учетом этого обстоятельства прирост населения Украины составит не 8.7, а 7.7 млн. человек. Исключив из состава населения русских и белорусов, окажется, что доля украинцев составляет почти 90%. Остальные – это поляки, евреи, чехи, венгры, молдаване, румыны и др. Численность украинцев на конец 1939 г. может быть увеличена более чем на 7.8 млн. человек. Таким же образом численность белорусов возрастет на 3.1 млн. Ни по Молдавии, ни по республикам Прибалтики нет, по сути, никаких сведений, позволяющих хоть как-то оценить национальный состав населения. Но собственно для оценки людских потерь России эти сведения не нужны в связи с тем, что доля титульных народов этих республик незначительна в составе ее населения.

Таблица 2.6

**Численность населения союзных республик,
находившихся в оккупации в годы войны (тыс. человек)**

		1939	
--	--	------	--

Республики	1937	В границах до 17 сентября	В границах после 17 сентября	Прирост за счет новых территорий	1959
Россия	103968	108263	108379	-	117534
Украина	28388	31786	40469	8683	41869
Белоруссия	5197	5569	8910	3341	8055
Молдавия	570	288	2452	2164	2885
Прибалтика	5817	5817	6001
Итого по группе республик	138123	145906	166027	20005	176344
СССР	162039	170557	190678	20005	208827

Динамика численности русских, украинцев и белорусов, а только по ним, могут быть выполнены расчеты, зависит от сальдо миграции в военные и послевоенные годы. Чтобы учесть миграционную составляющую, нужно из общего итога по СССР исключить численность русских, украинцев и в очень малой степени белорусов, которые проживали до войны в республиках, не бывших в оккупации. Исключению подлежит и возможный естественный прирост русских и украинцев (численность белорусов там статистически не значима), проживавших в указанных республиках. Остаток будет представлять миграционное сальдо.

Согласно переписи 1937 г. в Закавказье проживало 795.4 тыс. русских и 43.8 тыс. украинцев, в республиках Средней Азии – соответственно 1255.2 и 136.6 тыс. Основная численность русских и украинцев приходилась на Казахстан – 1917.7 и 550.0 тыс. человек. А всего в этих республиках было 3968.3 тыс. русских и 730.4 тыс. украинцев (60, с. 90–92). Очевидно, что в течение 1937–1958 гг.

численность русских, проживавших в Закавказье, Средней Азии и Казахстане менялась вследствие естественного движения. Используя методику, предложенную Б.Ц. Урланисом, и допустив, что показатели естественного движения русских и украинцев, проживавших в этих регионах, близки к аналогичным в России и Украине, можно получить оценки их миграционного и естественного прироста. Добавим, что до войны дифференциация показателей рождаемости и, в какой – то мере, смертности была не очень заметной. Так в 1940 г. число родившихся в России составляло 33, в Узбекистане – 33.8 и Туркмении – 36.9 человек на тысячу населения (55, с. 70–81). Приняв российские и украинские показатели рождаемости и смертности для русских и украинцев, проживавших в данной группе республик, получим естественный прирост для 1937–1940 гг. Допустив, что в годы войны естественный прирост русских в этих республиках соответствовал тем параметрам, которые были в России, определим эту величину. Для послевоенного периода естественный прирост рассчитывается по показателям 50-х годов. Таким образом, всего естественный прирост русского населения в Казахстане, Средней Азии и Закавказье в 1937–1958 гг. составит примерно 1.2 млн. человек. Численность украинцев за счет их естественного прироста в течение 22 лет видимо возросла на 200 тыс. человек. При таких достаточно условных расчетах, но все же фиксирующих порядок величин, оказывается, что в 1937–1958 гг. численность русских в Закавказье, Средней Азии и Казахстане возросла за счет их миграции из России, Украины и Белоруссии на 1.8 млн. человек, а численность украинцев – почти на 200 тыс. человек. В этих республиках значимой стала и численность белорусов, мигрировавших туда в военные и послевоенные годы.

Возможны два варианта расчета: первый – принимать всю численность русских, украинцев и белорусов, проживавших до

войны на территории СССР, и второй – только ту их численность, которая приходилась на республики, бывшие в оккупации. Эти данные пересчитаны на 1937 г. Другой датой может быть 1959 г. – время проведения послевоенной переписи. Из сведений о численности русских, украинцев и белорусов в 1959 г. также могут не исключаться, или быть исключены цифры, относящиеся к 1937 г. о тех из них, кто проживал в Закавказье, Средней Азии и Казахстане. Во втором случае одновременно должен быть учтен и естественный прирост, приходящийся на весь межпереписной период (1937–1958 гг.) Иначе говоря, величина, принимаемая для расчетов, корректируется на миграционное сальдо. Поскольку гражданское население гибло лишь на тех территориях, которые находились в зоне боевых действий и в оккупации, то, очевидно, что для расчетов необходимы сведения о численности русских, украинцев, белорусов и лиц других национальностей, находившихся во время войны на оккупированных территориях. Такая информация с учетом всех необходимых поправок приведена в таблице 2.7.

Таблица 2.7

Численность русских, украинцев и белорусов, проживавших на территориях, бывших в оккупации

Национальности	1937 г. (млн. чел.)		Население территорий, бывших в оккупации		1959 г. (млн. чел.)		Темпы изменения: 1959 к 1937 г., %	
	I	II	млн. чел.	%			I	II
Русские	93.9	89.9	34.1	38.1	108.9	103.7	1.16	1.154
Украинцы	32.5	31.8	31.8	35.5	36.9	36.0	1.135	1.132
Белорусы	7.7	7.7	7.7	8.6	7.9	7.8	1.026	1.013
Другие	16.0	16.0	16.0	17.8	18.3	18.2	1.146	1.136
Всего	150.1	145.4	89.6	100.0	172.0	165.7	1.146	1.1136

Данные о численности населения территорий России, бывших в оккупации, приводимые в табл. 2.7 отличаются от тех, которые указаны в табл. 2.2, в связи с тем, что во втором случае исключены сведения о населении блокадного Ленинграда и двух областей, большая часть территории которых была в оккупации и притом непродолжительное время.

Расчеты представлены в двух вариантах (I и II). В первом варианте принята численность населения данной национальности, проживавшего на всей территории Советского Союза, а во втором варианте – только в республиках, которые во время войны находились полностью или частично в оккупации. В численность украинцев, белорусов и других народов, проживавших на оккупированных территориях, включено население районов, присоединенных накануне войны (исходная цифра 20.1 млн. человек). В результате по состоянию на начало 1937 г. численность украинцев и белорусов, соответственно, была увеличена на 6.1 и 2.8 млн. человек.

Применяя формулу, описанную при использовании метода пропорционального распределения людских потерь, получаем независимо от вариантов расчета их оценочные значения применительно основным национальностям. Эти сведения распределяются пропорционально доле России в численности лиц данной национальности в целом по СССР в 1937 г. (табл. 2.8).

Таблица 2.8

**Оценка потерь гражданского населения России
в Великой Отечественной войне**

Националь ности	Потери СССР среди лиц данной национальности (млн. чел.)	Доля лиц данной национальности – жителей России (%)	Потери Россией лиц данной национальности в войне (млн. чел.)
----------------------------	--	--	---

Русские	6.9	0.912	6.3
Украинцы	6.5	0.095	0.6
Белорусы	1.7	0.045	0.1
Другие	3.2	0.113	0.4
Всего	18.3	X	7.4

В итоге получена цифра 7.4 млн. человек. Это – потери только гражданского населения. Они включают три компоненты: а/ гибель мирных жителей в районах боевых действий, в результате бомбардировок и артиллерийского обстрела населенных пунктов, карательных операций, проводимых противником, уничтожения населения в газовых камерах и т.д.; б/ невозвращение части остарбайтеров и другого населения, добровольно или по принуждению, служившего оккупантам; и в/ увеличение смертности населения сверх нормального уровня от голода и других лишений (32). Последняя компонента нуждается в комментариях. Население погибшее от голода состоит из двух частей. С одной стороны, от голода погибало население, оставшееся на оккупированных территориях, угнанное на принудительные работы и т.д., но с другой стороны, голод был и причиной повышенной смертности того населения, которое находилось вне досягаемости противника. Обе эти части составляют сверхсмертность населения. Погибшие от голода в блокадных городах, концлагерях, гетто и т.д. входят в прямые потери опосредованно – через гибель военнослужащих и гражданского населения. Сверхсмертность населения в тыловых районах заключена в общей смертности населения и отделить ее можно лишь условно.

Оценки численности населения, которое осталось по разным причинам за пределами страны, не только не велики по масштабам, но и отличаются не существенно. М.В. Филимошин считает, что из общего количества советских граждан вывезенных на работу в Гер-

манию (примерно 5.3 млн. человек) не возвратилось 451.1 тыс. (39, с. 126). Согласно данным В.Н. Земскова невозвращенцев было почти 0.5 млн. человек. (22, с. 5). А.А. Шевяков их численность определяет в 688 тыс. (39, с. 180) Это цифры одного порядка, тем более что относительно России они сократятся в разы. П. Поляном приводятся сведения о невозвращенцах, распределенных по национальностям. Нет необходимости доказывать, что русские – это в основном россияне. Невозвращенцев – русских из числа оstarбайтеров и военнопленных было чуть больше 30 тыс. человек. (65, с. 392), хотя на долю выходцев из России среди оstarбайтеров по разным оценкам приходилось 27.3, 31.8, 39.2 и 39.7 процентов. (65, с. 69) Таким образом, число невозвращенцев в прямых потерях мирного населения составляет незначимую величину, учитывая характер расчетов и степень округления их результатов.

Следующий компонент прямых потерь – сверхсмертность населения. То, что в годы войны выросла смертность населения, неоднократно отмечали демографы, приводя соответствующие расчеты, об этом достаточно убедительно, подкрепляя свои суждения архивными данными, пишут многие историки (39). Увеличение смертности, в т.ч. и в тыловых районах, объясняется тем, что резко ухудшился и сократился рацион питания (нормы выдачи хлеба опустились до 200–400 грамм в сутки, хлеб, не вполне доброкачественный, часто оставался единственным продуктом, «отовариваемый» по карточкам). С началом войны, отмечает В.Ф. Зима, производство мяса сократилось в 2.5 раза, сахара – в 8 раз, хлеба – в 2 раза и т.д. (39, с. 160). Не случайно во многих районах России (Читинская, Вологодская области, Татария, Мордовия и др.) и ряде тыловых республик отмечался массовый голод, имели место случаи каннибализма. В промышленности, на транспорте и других отраслях вместо ушедших на фронт мужчин стали работать женщины и дети. Интенсивность труда существенно увеличилась, хотя рабо-

ту выполняли в большинстве полуголодные, истощенные люди. Ухудшилось медицинское обслуживание, многие медицинские работники, прежде всего, квалифицированные врачи ушли на фронт, исчезли лекарства и т.д. Положение одинаково стало плохим и в городе, и в деревне, на воле и в колониях, в европейской части страны, и в Сибири. Смертность возросла повсеместно причем, и в результате того, что эвакуированное вместе с заводами население подселалось в переуплотненные и без того дома, бараки и квартиры, размещалось в непригодных к зимним условиям палатках, вагончиках, землянках, ютилось в антисанитарных условиях, в первое время было лишено такого источника продовольствия как личное подсобное хозяйство. Ко всем тем факторам, которые обусловили рост смертности в тыловых районах, нужно прибавить, говоря о территориях, находившихся в оккупации, также такой фактор как геноцид, т.е. преднамеренное создание условий для вымирания мирного населения. Об этом пишут многие, в частности А.А. Шевяков, М.В. Филимошин и др. (39)

Дать количественную оценку сверхсмертности в военные годы можно используя для этого опубликованные сведения о фактической смертности населения в 1941–1945 годы. Они приводятся в статьях многих историков: Н.А. Араловца, О.М. Вербицкой, В.Н. Земскова, В.Ф. Зимы, И.П. Остапенко, А.А. Шевякова и др. (39). Несмотря на некоторую противоречивость приводимых указанными авторами данных, они, тем не менее, позволяют воссоздать динамику показателей смертности населения в военные годы для тыловых районов России. Так, во второй половине 1941 г. смертность увеличилась по отношению к первой половине в 1.2 раза. Эти данные относятся не только к России, но и к 8 тыловым союзным республикам. (39, с. 133). В четвертом квартале 1941 г. смертность возросла по отношению к первому кварталу в 1.3 раза. (51, с. 101, 105). Можно допу-

стить, что в 1941 г. смертность возросла относительно 1940 г. в 1.2 раза.

На сопоставимой территории России в мае 1942 г. общие коэффициенты смертности населения были выше, чем в мае 1941 г. в 2 раза. Смертность городского населения тыловых районов в 1942 г. превысила уровень 1941 г. 1.5 раза. (39, с. 155–156). В целом по России показатели смертности городского населения в 1942 г. были выше, чем в предыдущем году на 50%. (39, с. 150). В отличие от рождаемости, где максимальное падение ее уровня приходится на 1943 г., смертность всего значительно возросла в 1942 г., когда ее уровень увеличился не менее чем в 1.5 раза.

1943 г. – начало снижения смертности. В этом году показатели смертности были выше, чем в 1941 г. лишь в 1.2 раза, а в 1944 г. – даже ниже. Подобная динамика наблюдалась и с младенческой смертностью. В 1942 г. в тыловых районах показатели смертности детей в возрасте до одного года возросли по отношению 1941 г. в 1.7 раза, в 1943 г. составили по отношению уровня 1941 г. –87% и в 1944 г. –57%. (39, с. 155–156). По данным В.А. Исупова младенческая смертность, снизившись в 1941 г., затем в 1942 г. возросла по сравнению с последним предвоенным годом в 1.5 раза. (51, с. 101, 105). Можно считать, что в два последних года войны показатели смертности населения были не выше, чем в 1940 г.

Приведем еще данные о динамике смертности населения в тыловых районах СССР, приняв показатель общий для городского населения страны в 1940 г. в качестве базового. Он был равен 20.5 промилле при 20.6 для всего населения Советского Союза. В 1941 г. смертность горожан увеличилась на 2.5%, в 1942 г. – в 1.6 раза, в 1943 г. – на 12% и в 1944 г. – снизилась на 22%. Динамика младенческой смертности выглядит соответственно: 1941 г. -97.5% по отношению к 1940 г., 1942 г. -167.6%, 1943 г.-84.3% и 1944 г.-55.1%. (39, с. 156) Исходя из приведенных фактических данных, можно

установить следующие корректировочные коэффициенты: 1941 г. - 1.1, 1942 г. - 1.5, 1943 г. - 1.2, 1944 г. - 0.8. и 1945 г. - 0.6. Тогда общее число умершего населения в годы войны, как естественной смертью, так и в результате голода и других лишений составит на всей территории России примерно 11.4 млн. человек. Младенческая смертность из этого числа не должна вычитаться, поскольку она относится только к тем детям, которые родились в годы войны.

В довоенные 1936–1940 гг. общее число умерших составляло 11.0 млн. человек, в т.ч. 3.8 млн. детей в возрасте до одного года, в военные 1941–1945 гг. число умерших, относимое к «естественным» причинам, оценивается в 11.4 млн. при возможной младенческой смертности в 1.4 млн. и для 1946–1950 гг. цифры соответственно равны 5.7 и 1.3 млн. человек. Согласно выполненным выше расчетам, естественная смертность в нормальных условиях, т.е. в случае отсутствия войны, составила бы 7.2 млн. Эта цифра соответствует общей динамике смертности в сравниваемые три пятилетия. Разность между той фактической смертностью населения, которая вероятно была в условиях войны (11.4 млн.), и естественной смертностью, возможной при отсутствии войны (7.2 млн.), представляет собой сверхсмертность. Она равна 4.2 млн. человек. Сюда входит население, проживавшее как на оккупированных в годы войны территориях, так и в тыловых районах, как находившееся в блокадном Ленинграде, так и умиравшее от голода и лишений в концлагерях, гетто и других местах принудительного содержания. Остальные потери мирных граждан приходятся на убитых, расстрелянных, сожженных, повешенных и т.д. Их было вероятно – 3.2 млн. человек.

Чтобы получить общие людские потери России в войне, к потерям гражданского населения нужно прибавить потери военнослужащих, приходящиеся на ее долю. Поскольку нами принята общая для СССР величина потерь военнослужащих, предложенная военным ве-

домством, то ничего иного не остается, как принять на веру и ту информацию, которая относится к распределению этих потерь по союзным республикам и национальностям. Подробные сведения о том и другом распределении приводятся в статье Г.Ф. Кривошеева (39, с. 71-81), под редакцией которого опубликована и другая работа с подробным анализом потерь вооруженных сил СССР в войне (17).

Г.Ф. Кривошеев отталкивается от общей цифры потерь, в которую включаются: убитые, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, осужденные на расстрел, умершие от болезней и несчастных случаев, пропавшие без вести и попавшие в плен, неучтенные потери первых месяцев войны. Сюда же входит и 0.5 млн. военнообязанных, захваченных противником. Сумма по всем этим категориям составляет общие потери в 11.9 млн. человек. После исключения из этой величины повторно призванных, вернувшихся из плена и указанные полмиллиона военнообязанных, остается цифра 8.7 млн. человек – безвозвратных потерь военнослужащих.

В статье Г.Ф. Кривошеева приводятся данные, как о распределении потерь по союзным республикам, так и по национальностям, что позволяет сопоставить данные военного ведомства о потерях военнослужащих, призванных в России, с расчетными, выполненными с помощью этнодемографического метода. Согласно сведениям, приводимым Г.Ф. Кривошеевым, на долю России приходится 7.9 млн. погибших военнослужащих, что составляет 66.3% общих для СССР потерь. Но эта цифра берется не от 8.7 млн., а от 11.9 млн. человек. Если принять, что доля России в безвозвратных потерях (8668.4 млн.) так же равна 66.3%, то их величина составит 5.7 млн. человек. При пропорциональном распределении потерь (доля России в населении СССР накануне войны была 56.4–56.8%) на ее долю пришлось бы 4.9 млн. военнослужащих.

Безвозвратные потери, приходящиеся на долю России, можно посчитать и иначе, отталкиваясь от потерь лиц разных национальностей. Наш метод применяется для того, чтобы пересчитать эти потери и оценить их величину для России, исходя из гибели лиц разных национальностей. Сопоставление результатов, дает возможность проверить правомерность применения этнодемографических расчетов для оценки людских потерь (табл.2.9).

Таблица 2.9

Оценка безвозвратных потерь военнослужащих, приходящаяся на долю России

Национальности	Безвозвратные потери СССР (тыс. чел.)	Доля лиц данной национальности – жителей России (%)	Безвозвратные потери России (тыс. чел.)
Русские	5747.1	0.912	5241.4
Украинцы	1376.4	0.095	130.8
Белорусы	251.4	0.045	11.3
Другие	1293.5	0.323	417.8
Всего	8668.4	X	5.801

Безвозвратные потери военнослужащих, относящиеся к России, полученные с помощью этнодемографического метода, составили, таким образом, 5.8 млн. человек, т.е. на 0.1 млн. больше, чем полученные путем пересчета данных о потерях России, приводимых в статье Г.Ф. Кривошеева. Это не столь большая разница, чтобы сомневаться в допустимости пропорционального распределения безвозвратных потерь военнослужащих (8.7 млн. человек) по национальной структуре общих потерь (11.9 млн.). Более того, расчеты подтвердили возможность использования этнодемографического метода для оценки людских потерь в отдельных частях единого государства.

Глава 5

ОЦЕНКА ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ РОССИИ

Результаты оценок людских потерь России в военные годы, полученные с помощью различных методов, представлены в таблице 2.10.

Таблица 2.10

Оценка людских потерь разными методами (тыс. чел.)

Методы	Потери гражданского населения	Потери военнослужащих	Все людские потери
Пропорциональный, (два варианта)	6.7–7.0	5.7–5.8	12.4–12.8
Прямой, (два варианта)	6.1–9.0	5.7–5.8	11.8–14.8
Балансовый, (два варианта)*	x	X	15.3–16.7
Этнодемографический (потери военнослужащих, два варианта)	7.4	5.7–5.8	13.1–13.2

* Включают сальдо межреспубликанской миграции населения в годы войны.

Данные таблицы 2.10 позволяют сделать несколько выводов.

Во-первых, они дают хотя бы приближенную величину людских потерь России в Великой Отечественной войне. По нашим оценкам, они составляют примерно 13 млн. человек. Было бы наивно претендовать на большую точность при той исходной информации, которой можно располагать в настоящее время. Хотя доля России в людских потерях СССР составляет 48.5%, она, тем не ме-

нее, не столь велика как удельный вес Федерации в общей для страны убыли населения за военные годы. Так, численность населения Советского Союза с 1940 по 1951 г. сократилась на 12.5 млн. человек, в числе которых доля России составляет 57.3% (7.2 млн.).

Во-вторых, принимая эту цифру людских потерь и оценки полученные методом демографического баланса, можно определить результаты межреспубликанской миграции в годы войны. В 1941–1945 гг. население России увеличилось за счет вынужденной миграции на величину от 2.2 до 3.5 млн. человек. Эти цифры можно сопоставить с такими данными. В книге «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945» сказано, что к весне 1942 г. в российских регионах было размещено 5.9 млн. эвакуированных. (27, с. 548). Но известно, что только из Москвы и Ленинграда, т.е. самой России, было эвакуировано в 1941 и первой половине 1942 гг. почти 3.3 млн. человек. (44, с. 136). В других источниках также говорится, что основная часть эвакуированных приходится на территории России, которые позже были оккупированы врагом. Это – Смоленская, Калининская, Ленинградская и другие области. В тыловых районах России было размещено 5.5 млн. вынужденных мигрантов, из которых лишь один миллион приходился на учтенных выходцев из Украины, Белоруссии, Прибалтики и Молдавии. (37, с.95). Поскольку одна часть мигрантов возвращалась обратно по мере освобождения мест выхода и освобождения городов от блокады, другая – мигрировала в тыловые союзные республики, прежде всего, Казахстан и Узбекистан, а третья – была призвана в армию, то точно оценить количество мигрантов, осевших в России навряд ли удастся.

В-третьих, на долю остальных 14 союзных республик приходилось 3 млн. потерь военнослужащих, а 6 республик, территория которых длительное время находилась в оккупации, потеряли 10.9 млн. мирного населения. Заметим, что в общей убыли населения СССР

(с 1940 г. по 1951 г.) на долю Украины приходится 33%, Белоруссии – 10.1% и Прибалтики вместе с Молдавией – 2.6%. Даже эти цифры, на которых отразились результаты естественного и особенно миграционного движения населения в 1940–1950 гг., резко отличаются от распределения потерь мирного населения, полученного П. Поляном. По его расчетам, опирающимся на данные ЧГК, доля России составляет 10.8%, Украины – 52%, Белоруссии – 22.4% и т.д. (65, с. 8). Даже гибель населения в Ленинграде (у П. Поляна – 642 тыс. человек) не очень влияет на эти пропорции. По его данным Россия потеряла 1.3 млн. человек мирного населения, тогда получается, что все другие республики недосчитались 17 млн., и это при условии, что численность их населения к началу 1951 г. сократилась лишь на 5.3 млн. человек?!

В-четвертых, в людских потерях Советского Союза в войне 1941–1945 гг. на долю России приходится 2/3 погибших военнослужащих и 2/5 – гражданского населения. Масштабы потерь России, как и распределение их между гражданским населением и военнослужащими (56% и 44%), не соответствует подобному по СССР в целом (68% и 32%), а тем более – по остальным республикам (78% и 22%). Если общие потери России отнести к численности ее населения в 1940 г., то окажется, что они составляют 11.9%, при 13.9% по стране в целом. Однако безвозвратные потери военнослужащих по стране составляют 4.5%, а по России – 5.2%. Подобные сравнения для гражданского населения как отдельно, так вместе с военнослужащими, должны исходить из понимания того, что не вся Россия была в оккупации. Если исключить из безвозвратных потерь военнослужащих и потерь гражданского населения от сверхсмертности те части, которые приходятся на тыловые районы, то получатся потери, относящиеся к населению районов, бывших в оккупации. Сравнительно населения, бывшего в оккупации, эти потери составят 20–21%, т.е. на территориях, временно за-

хваченных врагом, погиб каждый пятый, включая и тех военнослужащих, которые были призваны в этих районах.

Масштабы людских потерь России, как и их распределение между мирным населением и военнослужащими вполне объяснимы. Можно назвать несколько причин. Одна из них заключается в том, что война началась с западных рубежей Советского Союза, и сразу же боевые действия охватили территории, протянувшиеся от Баренцева до Черного моря. Первые потери понесли пограничные войска и военные округа, находившиеся в западной части страны: Ленинградский, Прибалтийский, Западный, Киевский и Одесский. Эти округа в значительной мере были укомплектованы призывниками из России. Округа уже в первый день войны были преобразованы в соответствующие фронты. Особенно большие потери понесли Северо-Западный и Западный фронты. В течение 3-го и 4-го кварталов 1941 г. потери Красной Армии достигли 3-х млн. человек или 99% среднемесячного личного состава. Не легче оказался и 1942 г. Хотя потери равнялись 56.3% относительно среднемесячного числа военнослужащих, но в абсолютном выражении они составляли также 3 млн. человек. За 1.5 года войны Красная Армия потеряла 6 млн. человек. (17, с. 153). Потери в последующие годы не только были намного меньше (примерно 4 млн. за 2.5 года), но и последовательно сокращались: 30.9%, 21.6% и 10.0% в январе-мае 1945 г.

В первый период войны (с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г.) погибли и попали в плен миллионы военнослужащих. Среди тех, кто продолжал сопротивление врагу, было много раненых и больных. Только этим можно объяснить тот факт, что санитарные потери в тот период составляли всего 80% от величины безвозвратных потерь, тогда как на втором этапе (с 19 ноября по 31 декабря 1943 г.) санитарные потери уже превосходят безвозвратные в 2.6 раза и на третьем этапе, соответственно, – в 2.9 раза (39, с. 77). Это предположительно можно объяснялось тем, что или сами больные и ране-

ные с наступлением перелома в войне стремились сохранить жизнь, что легче сделать, находясь на излечении, или командование в изменившейся ситуации стало более бережно относиться к личному составу. По-видимому, присутствовало и то, и другое. Но факт остается фактом – в первые 1.5 года войны, когда решалась не проблема победы над врагом, а судьба Отечества, потери составили почти в 1.5 раза больше, чем в остальные 2.5 года.

До 1943 г. основную тяжесть потерь несла Россия. Ее доля в безвозвратных потерях Красной Армии составляла: в 1941 г. – 65% от общесоюзных, в 1942 г. – 77.1% и в 1943 г. – 69.5%. В последующие годы, когда сражения, в основном, велись на территории Украины, Белоруссии, Прибалтики и Молдавии, а затем за пределами СССР, и когда началось пополнение Советской Армии призывниками из освобожденных районов, доля России в безвозвратных потерях заметно упала: в 1944 г. – 51.8% и в 1945 г. – 50.9%. Таким образом, потери российских солдат приходятся на наиболее трудные годы кровопролитных в большей мере оборонительных боев, когда вооруженным силам страны был нанесен наибольший урон.

Вторая причина иных масштабов и структуры людских потерь в России в сравнении с другими республиками тесно связана с первой. Дело в том, что интенсивность призыва пополнений из России была в годы войны в целом выше, чем из других республик. Так, военными комиссариатами за годы войны было призвано 22.7% граждан России, около 17% – граждан республик Средней Азии и Закавказья, 12.5% – Украины и 12% – Белоруссии (39, с. 79). Объяснений здесь несколько. Одни республики еще в 1943–1944 гг. полностью или частично находились в оккупации, в других был иной возрастной состав населения и уровень его социализации. Были и другие причины.

По данным Г.Ф. Кривошеева в годы войны было мобилизовано в целом по Советскому Союзу 29.6 млн. человек, что вместе с кадровыми военнослужащими составляло 34.5 млн. человек. В

России, по его же словам, каждый пятый надевал шинель, – т.е., надо понимать, был призван на военную службу (39, с. 74). Это означает, что доля России в числе призванных по стране составляла 84.5%. Удивительно, однако то, что потери военнослужащих относительно числа мобилизованных во всех остальных республиках равнялись 65.2%, а в России – 22.8%. Именно потому, что в России масштабы мобилизации были в 5.4 раза больше, чем в остальных республиках, на ее долю и пришлись основные безвозвратные потери вооруженных сил.

Согласно приведенным данным становится очевидной та ложь, которая лежала в основе «интернациональной» политики КПСС. Так, в книге «Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне» утверждается, что удельный вес воинов каждой национальности был пропорционален доле в населении страны (5, с. 177). Приводимые в книге данные о национальном составе стрелковых дивизий, извлеченные из архивов Министерства обороны СССР, не подтверждают этот тезис. Так, в январе–июне 1943 г. в личном составе 166 стрелковых дивизий доля русских была 63.8–65.6% (5, с. 58). Но ведь перед войной доля русских в населении страны составляла не более 50%.

В чем прав автор книги, так это в том, что по мере освобождения территории страны, доля украинцев, белорусов и некоторых других национальностей возрастала, а русских снижалась. В частности, в тех же стрелковых дивизиях в 1943 г. за период с 1 января по 31 декабря доля русских упала на 6.3 процентных пункта (64.6 и 58.3%), украинцев возросла почти в 2 раза (11.8 и 22,3%) и белорусов – с 1.9 до 2.7%. Это объяснимо: мобилизация стала проводиться на освобожденных территориях. Кто вместе с русскими еще в 1943 г. активно пополнял вооруженные силы, так это казахи, представители закавказских республик, да, пожалуй, киргизы. Понятно, что все, кто говорил о пропорциональном участии наций в освободительной вой-

не Советского народа, преследовали благородную цель. Но ложь остается ложью, даже если она объясняется благими намерениями.

К причинам большой гибели мирного населения, оставшегося в районах, оккупированных врагом и находившегося в зоне боевых действий, относится то, что на российских территориях крупномасштабные сражения, по сути, проходили четырежды: Красная Армия дважды отступала – в 1941 г. вплоть до Москвы и в 1942 г. – до Сталинграда, а гитлеровские войска вначале были отброшены от Москвы, а затем разгромлены под Сталинградом и в районе Курской дуги. Собственно почти 2 года на российских территориях шли кровопролитные бои. Наибольшие потери Красная Армия несла в летне-осенние кампании 1941 и 1942 гг. Населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки, многие из них просто уничтожались в результате бомбежек и артиллерийских обстрелов. Гибли солдаты, но ведь гибло и мирное население, оставшееся в поселениях. Существенный вклад в потери мирного населения внесла и многомесячная блокада Ленинграда.

Наконец, потери как гражданского населения на оккупированных территориях, так и военнослужащих, оказались для России, особенно среди русских, столь велики, вследствие той расовой политики, которую проводили фашисты в захваченных областях. Русские, как было показано выше, в наибольшей мере были представлены среди военнослужащих и преобладали в мирном населении оккупированных районов России (96–98%). Из общих потерь военнослужащих на долю русских пришлось 66.3%, украинцев – 15.9%, белорусов – 2.9%, татар – 2.2%, евреев – 1.6% и т.д. (39, с. 79). По данным, приводимым П. Поляном, в 1941 г. было захвачено врагом 58.3% общего количества пленных. Среди них преобладали, если исходить из структуры потерь, особенно первого этапа войны, выходцы из России. Из числа пленных 1941 г. дожило до победы только 20%, тогда как доживаемость плененных в 1944 г. составила

48% (65, с. 68). Конечно, сказалось и большее время пребывания в плену, но главное – изменился состав пленных. Кстати, и из числа военнопленных и из тех, кто оказался на работах в Германии, невозвращенцев среди русских было всего 31.7 тыс., среди украинцев – 144.9 тыс. и белорусов – 10.0 тыс. человек (65, с. 392).

Относительно числа угнанных на принудительные работы доля невозвращенцев составляет для России – 1.7%, для Белоруссии – 2.5% и для Украины – 6%. Отнесение количества невозвращенцев к потерям лиц тех же национальностей дает соответственно: 0.5%, 0.6% и 2.2%. И, наконец, соотнесение невозвращенцев с числом репатриированных советских граждан выглядит так: 2%, 1.9% и 8.8%. Столь высокие проценты по Украине в значительной мере объясняются тем, что накануне войны в ее состав вошли западные территории, население которых, по сути, еще не было интегрировано в новые для него советские условия.

Отношение к русским со стороны оккупантов было намного хуже, чем, например, к украинцам. Сошлемся на П. Поляна, который в данном вопросе весьма далек от предвзятости. В своей книге, фундаментальной по объему собранного в немецких архивах материала, он пишет о том, что в начале войны нацистами ставка делалась на «превосходство» украинца перед русским. Военнопленных украинцев даже отпускали из плена, были и другие привилегии, отмененные в конце 1941 г. Конечно не только украинцы, но и ряд других народов: из стран Балтии, немцы Поволжья и особенно крымские татары, находились в более щадящем режиме, чем русские. Хуже, пожалуй, было только евреям, подлежащим поголовному уничтожению. Подобная практика была связана с тем, что фашисты на первом этапе войны, рассчитывая на ее молниеносный характер, не были готовы к такому количеству пленных. Поэтому в 1941 г. было освобождено из плена 318.8 тыс. человек, в т.ч. – 277.8 тыс. украинцев (17, с. 334). Вскоре, отказавшись от подобных мер,

они вновь в 1943 г. к ним вернулись. Послабления были не только для украинцев, но и для лиц ряда других национальностей. В основном освобождались те, кто вступал в охранные и другие формирования. До мая 1944 г. было освобождено свыше 0.8 млн. военнопленных (17, с. 334). Таковы факты.

Естественно, что народы Советского Союза не виноваты в том, что такая судьба выпала на долю России, прежде всего, русского народа. Так получилось, что основные сражения первых этапов войны, когда особенно велики были потери, совершались на территории России. Никакие народы СССР не повинны в том, что нацисты, стремясь разрушить традиционную дружбу братских народов, проводили для этого дифференцированную расовую политику, не считая при этом ни русских, ни украинцев, ни белорусов полноценными нациями. Мы не говорим уже о своеобразной национальной политике собственно руководства СССР, и многом другом. Это все наша общая история, и она не должна ни искажаться, ни повториться вновь.

* * *

Итак, людские потери России в Великой Отечественной войне составили примерно 13 млн. человек или 48% всех потерь Советского Союза. Сюда входят безвозвратные потери военнослужащих (5.7 млн.), гибель мирных жителей (3.2 млн.) и сверхсмертность населения как бывшего в оккупации, так и находившегося в тыловых районах (4.2 млн.). Эти цифры могут быть уточнены как в связи с дальнейшей корректировкой общей для бывшего СССР величины людских потерь, так и в результате появления более достоверной информации, сомнения в чем возрастают с каждым годом.

Раздел 3

КОСВЕННЫЕ ПОТЕРИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Крупномасштабные войны, несомненно, таковой являлась и Великая Отечественная война, воздействуют на население воюющих сторон, по многим направлениям. Одно из них, рассмотренное в предыдущих разделах, – прямые людские потери. Население в период войны гибнет от различных видов насилия и экстремальных условий существования. Другое воздействие – косвенные потери. А.Я. Кваша, вслед за Б.Ц. Урланисом, косвенные военные потери определяет как несбывшиеся возможности или упущенные демографические выгоды. К ним он относит разницу между фактической и гипотетической численностями населения на даты начала и окончания войны. Под гипотетической численностью населения принимается то, которое могло бы быть, не случись война. (32). Гипотетическое, в данном случае прогнозное, население исчисляется по данным таблиц дожития базового периода. Биометрические параметры этих таблиц приурочены к двум смежным годам последней предвоенной переписи населения 1939 г. Не говоря уже о возможных фальсификациях самой переписи и текущей статистики о естественном движении, их использование означает перенос на последующий период неизменных показателей повозрастной смертности, да и рождаемости населения, хотя очевидно, что ни того, ни другого, скорее всего, может и не быть. Численность фактического населения, в свою очередь, зависит от масштабов прямых потерь, сверхсмертно-

сти, вызванного войной сокращения рождаемости, результатов миграционных перемещений и некоторых других событий.

Согласно другой точки зрения в годы войны помимо прямых жертв, воюющие страны несут огромные людские потери, обусловленные как повышенной смертностью населения из-за ухудшения условий жизни, так и сокращением рождаемости. (41). Здесь косвенные потери включают, во-первых, уменьшение количества родившихся, т.е. разность между тем числом, которое могло бы родиться не будь войны и его фактической величиной и, во-вторых, увеличение естественной смертности населения. С последним утверждением трудно согласиться. Повышение смертности не только от голода, но и других лишений, независимо от того, где находилось население: в тыловых районах, на оккупированных территориях, на принудительных работах в Германии и т.д., следует относить к прямым потерям, т.к. это потери живущего населения, вызванные войной. Лишь снижение рождаемости в годы войны, представляет то возможное, но несостоявшееся сокращение численности населения, которое может быть отнесено к косвенным демографическим потерям. Эта позиция не новая. В частности, Е.З. Волков еще в 1930 г. и А.Я. Боярский в начале 70-х годов включали в общие потери, как убитых, так и умерших от эпидемий. Правда последний автор к прямым потерям относил и сокращение рождаемости. (54.с. 16, 17).

К третьему виду потерь А.Я. Кваша относит «вторичные последствия войны». По его мнению, они носят преимущественно социально-психологический характер и количественно трудно определяемы. Нам представляется, что к вторичным потерям или последствиям можно отнести: деформацию возрастно-половой структуры населения за счет гибели, прежде всего, молодых мужчин, да и частично женщин, находившихся в репродуктивных возрастах (призывных, трудоспособных, подлежащих угону на принудительные ра-

боты); образование демографической волны, вследствие резкого падения рождаемости во время войны, особенно в 1943 г.; ухудшение здоровья населения, в первую очередь той его части, которая родилась и формировалась в военные и первые послевоенные годы; территориальное перераспределение населения, вызванное его эвакуацией из районов боевых действий и др. Часть этих демографических последствий может быть количественно оценена, но с еще большей степенью условности, чем демографические потери, независимо от того, прямые они или косвенные.

Глава 1

КОСВЕННЫЕ ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ

Л.Е. Поляков в опубликованной в 1985 г. монографии обобщил отечественные и зарубежные данные о влиянии войны на уровень рождаемости населения. Приводимые им сведения по России относятся к войнам XIX и первой половины XX веков. Так, в Отечественную войну 1812 г. снижение рождаемости составило 14%, в Крымскую войну –10%, в русско-японскую войну 1904–1905 гг. –3% и в Первую мировую войну – в двое. (64. с. 62–63.) Б.Ц. Урланис рассчитал, что дефицит рождений в России, образовавшийся в результате войны 1915–1917 гг., составил в 7.2 млн. человек. (88. с. 22)

Сведения о снижении рождаемости в СССР в результате войны 1941–1945 гг. опубликованы Б.Ц. Урланисом, Д.И. Валентеем, А.Я. Квашей, В. Гельфандом и др. Так, численность родившихся в 1943 г., по расчетам А.Я. Кваши, составила около 3 млн. человек. (31. с. 41) По сути до 90-х годов те, кто сравнивал эту или близкую к ней цифру с 6.1 млн. человек, родившихся в 1940 г., делали вывод о

двойном сокращении рождаемости в годы войны. Лишь в более поздних публикациях появились высказывания о том, что в годы войны рождаемость вначале снижалась, пик 1943 г., а затем стала расти. Поэтому двукратного снижения рождаемости не могло быть.

Как уже отмечалось, по расчетам АДХ в Советском Союзе в годы войны родилось 16.5 млн. (28). В. Гельфанд число родившихся определил в 15.1 млн. (16). Относительно пятикратного числа родившихся в 1936–1940 гг., т.е. 30.5 млн., снижение составит в первом случае 46% и во втором –49.5%. Первая цифра более предпочтительна, но опять же, лишь в том случае, если число родившихся в 1943 г. опустить ниже 3-х млн. человек. Иначе цифры выглядят не вполне логично. Действительно, если признать, что в 1943 г. рождаемость упала вдвое по сравнению с 1940 г., то в остальные годы она, либо была не менее 3-х млн., либо – даже выше, т.е. падения вдвое для всего периода войны не могло быть.

Обычно в публикациях «дефицит рождаемости» в годы войны, так называемый «недород», переоценивается. Так, О.М. Вербицкая, ссылаясь на сибирских ученых, утверждает, что в годы войны в Сибири родилось на 80% меньше, чем, если бы сохранился довоенный уровень рождаемости. Всего в Сибири «недород» составил 1.3 млн. человек. (39. с. 149), при том, что доля Сибири в населении страны составляла накануне войны менее 7%. В пересчете на весь СССР «дефицит рождаемости» был бы 18.8 млн. человек из возможного числа родившихся в 30.5 млн. По нашим расчетам, как было показано в первом разделе, число родившихся в СССР (младенческая смертность – это другой сюжет) в течение войны составило 18–18.5 млн. человек. Общее для всех лет войны снижение к уровню 1940 г. могло быть не более 40%.

Очевидно, что для оценки косвенных потерь важно определить не всякое снижение рождаемости, а только то, которое вышло за пределы нормального тренда сокращения показателей этого

процесса. Дело в том, что к сороковым годам не только в СССР в целом, но и в России еще далеко было до завершения демографического перехода. Поэтому, начавшийся в довоенный период переход от среднедетности к малодетности, навряд ли, прекратился и в военные годы. В связи с этим обстоятельством, неверно, произошедшее в 1941–1945 гг., снижение рождаемости целиком относить на влияние войны. Извиняющим является лишь то, что 5 лет слишком небольшой срок для сколько-нибудь заметного изменения трендов. Возможно множество вариантов расчета численности родившихся в годы войны. Выберем три наиболее простых. Первый – это допущение, что в 1941–1945 гг., не будь войны, рождаемость оставалась бы на довоенном уровне. Сразу заметим, что динамика показателей рождаемости в 1936–1940 гг. не может быть принята для расчетов, т.к. она искажена влиянием запрещения аборт в 1936 г. В частности по СССР общие коэффициенты рождаемости, подскочив до 38.7 промилле в 1937 г. и начав затем плавно снижаться, резко упали в 1940 г. до 31.3 промилле. (47. с. 30) Подобное положение наблюдалось и в России. В 1936 г. число родившихся составило 3648 тыс. человек. Три последующих года оно держалось на отметке 4.2 млн., но в 1940 г. опустилось до 3.7 млн., т.е. до уровня того года, когда были запрещены в стране аборты. (1). В 1940 г. как по СССР в целом, так и по России, показатели рождаемости, по-видимому, были далеки еще от того, чтобы стать конечными в процессе ее снижения. Поэтому их пятикратная величина, означающая 18.5 млн. человек родившихся, скорее всего, была бы завышенной для России.

В качестве второго варианта можно принять средний коэффициент рождаемости или число родившихся, найденные по данным за 1940 и 1946 гг. Численность родившихся в России в 1940 г. составляла 3660 тыс. С началом войны рождаемость стала снижаться. На это повлияли такие обстоятельства как разрыв семейных связей

в связи с уходом, прежде всего, мужчин на фронт, сокращение числа новых семейных пар, как в связи с откладыванием вступления в брак, так и вследствие сокращения количества потенциальных брачных партнеров (нарушение половозрастных пропорций), временный отказ от рождений детей и т.д. Эти факторы в наибольшей мере стали проявляться с 1942–1943 гг. И как результат в первом послевоенном 1946 году число родившихся опустилось до 2377 тыс. человек. Половина суммы чисел родившихся в 1940 и 1946 гг. представляет 3 млн. человек. Увеличенное для пяти лет оно равно 15млн. человек. (1. с. 161).

Третий вариант – использование динамического ряда показателей рождаемости с 1940 г. по 1980 г. (52. с. 85) К 80-м годам на большей части территории России по сути завершился переход к малодетной семье. В семидесятые годы суммарные коэффициенты рождаемости стабильно были ниже двух, общие показатели устойчиво держались в пределах 15-16 промилле (1980 г. –15.9), а числа родившихся в интервале 1.9–2.2 млн. человек (1980 г.-2202.8 млн.). К восьмидесятым годам также улучшилась возрастно-половая структура населения. Особенно это относится к соотношениям между наиболее активными брачными контингентами. Так, на тысячу мужчин в возрасте 25–44 года приходилось женщин в возрасте 20–39 лет в 1939 г. –1223, в 1959 г. –1394, в 1970 г. –1000 и в 1979 г. –1069. Допустив плавное снижение рождаемости с 1940 г. по 1980 г., можно рассчитать ее величину для любого пятилетия, в т.ч. и для 1941–1945 гг. В этом случае число родившихся в годы войны составит 16.1 млн. человек, но лишь при условии, что общий коэффициент рождаемости снизится до 30.9 промилле, а средняя численность населения для военных лет будет равна 104.2 млн. человек. Сопоставление полученных цифр с возможным фактическим числом родившихся, т.е. с 9 млн., характеризует, имевший в 1941–1945 гг. «недород». В соответствии с третьим вариантом, косвенные демографиче-

ские потери за счет сокращения рождаемости в годы войны могут быть оценены в 7 млн. человек. Их можно сопоставить с аналогичными по Германии, где дефицит рождений в годы Второй мировой войны оценивается в 2 млн. человек (64. с. 65). Относительно довоенной численности населения дефицит рождений в Германии составил 2.9% и в России- 6.3%. Различия связаны с тем, что даже в военные годы в нацистской Германии проводилась активная демографическая политика.

Глава 2

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Из всех демографических последствий выделяются два, поддающихся числовым характеристикам: деформация возрастно-половой структуры и возникновение демографической волны. Хотя прошло уже более полувека со времени окончания войны влияние того и другого на демографическое развитие России полностью еще не утратилось. Война, прежде всего, ухудшила и без того деформированную половую структуру населения. Хотя в результате сражений, артобстрелов, бомбежек, карательных операций, голода и т.д. гибнут и мужчины и женщины, тем не менее, война остается мужским делом. По нашим оценкам в годы Великой Отечественной войны Советский Союз потерял мужчин на 14–15 млн. больше, чем женщин. Прямые потери мужчин превысили потери женщин в 3.5 раза. (54 с. 23) Согласно расчетам АДХ (у них прямые людские потери СССР – 26.6 млн. человек) на долю мужчин приходится 20 млн. или 76% всех потерь. (28. с. 119). Соотношения между мужчинами и женщинами в населении России представлены в таблице 3.1. Изменение этих соотношений – это наглядное представление истории

России. Доля женщин в населении страны в 1926 г. возросла на 2 процентных пункта, вследствие большей гибели мужчин в годы Первой мировой и последовавшей за ней гражданской войн. Ухудшение соотношений между полами произошло также в последние предвоенные годы, что объясняется рядом причин, в числе которых и репрессии 1937–1938 гг., в наибольшей мере захватившие мужчин. Война 1941–1945 гг. столь существенно деформировала половую структуру, что лишь к середине 90-х годов соотношения между мужчинами и женщинами приблизились к довоенному периоду.

Таблица 3.1

Доля мужчин и женщин в населении России (в процентах)

Годы	Мужчины	Женщины	Приходится женщин на 1000 мужчин
1897	49	51	1055
1926	47	53	1108
1937	47	53	1105
1940	47	53	1123
1946	43	57	1339
1950	43	57	1310
1960	45	55	1235
1970	45	55	1196
1980	46	54	1171
1990	47	53	1137
2000	47	53	1138
2008	46	54	1161

Изменение соотношений между полами в мирное время зависит от ряда причин. Увеличение доли мужчин в населении связано с тем, что в числе рожденных детей мальчиков всегда больше, чем девочек. Обычно на 100 рожденных девочек приходится 105–106 мальчиков. Поэтому чем выше уровень рождаемости, тем заметнее этот фактор

влияет на изменение соотношений между мужчинами и женщинами.

Сокращение рождаемости и рост смертности мужчин в большей мере, чем женщин в 90-е годы затормозили процесс нормализации половой структуры населения. Спустя 65 лет после капитуляции фашистской Германии, соотношение между мужчинами и женщинами в населении России остается хуже, чем оно было накануне войны.

Война негативно повлияла не только на половой состав, но и на возрастную структуру населения. Вооруженные силы – это не просто мужчины, а преимущественно мужчины наиболее активных трудоспособных возрастов. В период войны в России число призванных, включая и кадровых военнослужащих, в 1940 г. в возрасте от 15 до 49 лет, составило 25 млн. человек. Это в основном мужчины. Их численность тогда составляла 26.6 млн. человек. (1. с. 157). Понятно, что в армии были и лица более старших возрастов, были и женщины, в большинстве занятые в медицинских, хозяйственных и некоторых других службах. Естественно, что преобладающую долю среди 5,7 млн. погибших военнослужащих, призванных в России, составляли мужчины призывных возрастов, как потому что их было большинство, так и потому что они непосредственно участвовали в боях. По оценке АДХ наиболее пострадали поколения мужчин родившихся в 1901–1931 гг. (28. с. 119) Потери мужчин наиболее молодых возрастов (родились в 1927–1931 гг.) могут быть объяснены, скорее всего, их гибелью на принудительных работах, т.к. именно молодежь угонялась в Германию.

АДХ сделаны оценки возрастно-половой структуры населения для довоенных лет, в т.ч. и для 1941 г., а также для послевоенного времени, включающего 1946 и 1951 гг. Несмотря на все допущения и условности эти данные дают представление о потерях населения, находившегося к началу 1941 г. в возрасте от 15 до 49 лет. В 1941 г. согласно этим оценкам численность мужчин указанных воз-

растов составляла 27455 тыс. человек. В 1946 г. они вошли в возрастной интервал 20–54 года и их стало 17116 тыс. или 62.3%. Переход к 1951 г. в следующий интервал 25–59 лет привел к дальнейшему сокращению их численности, которая стала 15971 тыс., т.е. 93.3% к уровню 1946 г. В этот же период численность мужчин, переместившихся из возрастного интервала в 15–49 лет в интервал 20–54 г. сократилась до 94.7%. Это уменьшение может быть полностью отнесено на естественную смертность. Если меру этого сокращения перенести на военные годы, то окажется, что на долю естественной смертности приходится примерно 1,5 млн. мужчин данных возрастов и на долю прямых потерь – 8.8 млн. человек. Численность мужчин, которым к 1941 г. было от 15 до 49 лет, в результате гибели, в т.ч. и сверхсмертности, сократилась на 1/3.

Аналогичные оценки для женщин, выполненные по расчетным данным АДХ, дают следующие результаты. В 1941–1945 гг. численность женщин в возрастном интервале 15–49 лет, перешагнув пятилетний рубеж, сократилась до 92%. В следующие пять лет их численность в возрастных группах от 20 до 54 лет уменьшилась до 95.7%. Численность населения, находящегося в возрастном интервале 15–49 лет, с 1946 по 1951 г. сократится до 95.6%. Расчеты показывают, что естественная смертность женщин этих возрастов в военные годы составила 1.3 млн. Тогда на долю прямых потерь приходится 1.1 млн. человек. В этих оценках и расчетах важны не сами цифры, сколь бы они не были близки к реальным, а соотношения между потерями мужчин и женщин. Различия этих потерь обусловили деформацию возрастно-половой структуры населения. Помимо естественной смертности население, находившееся в наиболее активных возрастах, потеряло в результате войны почти 10 млн. мужчин и женщин. В возрастных группах в интервале от 15 до 49 лет, возникли и многие десятилетия сохранялись диспропорции

между полами. Особенно они были существенны в 1959 г. в возрастных группах: 35–39, 40–44, 45–49 и 50–54 года. (табл. 3.2)

Таблица 3.2

Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы (по данным переписей населения)

Возрастные группы (лет)	1939 г.	1959 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
15–19	1052	994	946	947	968
20–24	1157	994	963	968	983
25–29	1059	1017	974	970	997
30–34	1027	1198	988	987	1001
35–39	1198	1596	1053	1007	1033
40–44	1225	1622	1069	1029	1062
45–49	1287	1672	1110	1112	1113
50–54	1263	1752	1347	1154	1170
55–59	1665	2207	1919	1258	1260
60–64	1556	2087	2010	1580	1456
65–69	1684	2144	2226	2297	1596
70 и старше	1942	2493	3095	3130	2477

Возникшие в результате людских потерь возрастно-половые диспропорции в первые послевоенные годы существенно влияли на брачное состояние населения, масштабы и динамику рождаемости, долю в ней внебрачных детей и т.д. В последующие десятилетия эти диспропорции проявляли себя в количестве и структуре трудовых ресурсов, в формировании пенсионного контингента. В 80-е годы последние из тех, кто мог или принимал участие в Великой Отечественной войне, перешагнули границы существующего в России пенсионного возраста.

Можно полагать, что в наступившем новом столетии на демографическое развитие России перестало влиять такое наследие войны 1941–1945 гг., как деформация возрастно-половой структуры населения, изъяны в ней теперь зависят только от эксцессов мирной жизни, в частности, от антинародных реформ, проводившихся в 90-е годы. Их результат для первых лет (1992–1994 гг.) – прибавка к общему числу умерших еще 600 тыс. человек. Судя по данным за 1989 и 2002 гг. он затронул в пожилой части населения не только мужчин, но и женщин.

Более глубокое и продолжительное воздействие на динамику населения оказывает образовавшаяся в результате войны демографическая волна. В XX веке динамика и воспроизводство населения России трижды «нарушались», возникавшими демографическими волнами, две из которых – следствие затяжных кровопролитных войн, а одна, волна мирного времени, – результат революционной ломки экономического базиса и системы социальных отношений, просуществовавших в стране свыше 70 лет.

Первая демографическая волна возникла в годы Первой мировой и гражданской войн. Попытка оценить глубину падения рождаемости в тот период была предпринята Б.Ц. Урланисом. (88). По его расчетам общие коэффициенты рождаемости, начав снижаться с 1914 г., достигли минимума в 1917 г., а затем стали постепенно расти и достигли в 1923 г. 93–94% довоенного уровня. (табл. 3.3)

Таблица 3.3

Оценка чисел родившихся в расчете на тысячу человек населения СССР в 1913–1924 гг. (88. с. 21, 25)

Годы	Общий коэффициент рождаемости	Годы	Общий коэффициент рождаемости
1913	47.0	1919	31.0
1914	46.9	1920	31.2
1915	39.7	1921	35.5

1916	29.9	1922	37.3
1917	23.9	1923	43.9
1918	32.0	1924	42.0

Из таблицы видно, что в 1917 г. показатели рождаемости были ниже, чем в последнем предвоенном 1913 г. почти в 2 раза. В первом военном году они, по сути, остались на уровне предыдущего года, да и в 1915 г., хотя и снизились, но не столь резко как в последующие два года. Это чем – то напоминает динамику рождаемости в 1941–1945 гг. С наступлением мирного времени показатели рождаемости почти достигли довоенного уровня. Так, в переписном, 1926 году общий коэффициент рождаемости составил 44.0 промилле по сравнению с 45.5 промилле в 1913 г., т.е. снизился всего на 3%. (55.с.69)

Данные о численности лиц, родившихся в 1914–1918 гг. и доживших до последних десятилетий XX века, показывают иную динамику. (табл.3.4) Пик падения рождаемости в 1979 г. приходится на 1917, а согласно переписи 1989 г. и оценке возрастно-полового состава населения на начало 1999 г. этот пик относится к 1916 г. (89. с. 7). Данные 1989 и 1999 гг. свидетельствуют о схожести с динамикой этого явления в годы Великой Отечественной войны

Особо выглядит демографическая волна мирных восьмидесятых-девяностых годов. Она возникла в результате роста рождаемости как реакции населения, с одной стороны, на принятые государством в 1981 г. меры помощи семьям с детьми, а с другой, на ожидания перемен в жизни, в связи с начавшейся в середине 80-х годов перестройкой, когда пик падения рождаемости пришелся также на третий (1943) год. Но главное не в этом. Демографическая волна, возникшая в годы Первой мировой войны, не была крутой, уровень рождаемости в пик падения сократился не наполовину. Согласно переписи 1979 г. рождаемость в 1917 г. должна была уменьшиться – на

40%, а по данным 1989 и 1999 гг. снизиться в 1916 г. – на 30–20%. Динамика рождаемости по данным 1979 г. вызывает сомнение из-за резкого, полуторного роста рождаемости в 1918 г. по сравнению с 1917 г. Данные 1989 и 1999 гг. указывают на более плавный переход от пика падения к началу роста рождаемости.

В 1982–1988 гг. числа родившихся превышали ежегодный уровень последних лет предшествующего десятилетия на 200–300 тыс. человек. В 1983 и 1987 гг. родилось по 2.5 млн. по сравнению с 2.2. млн. человек в 1978–1981 гг. Рост, в общем то, небольшой по отношению к исходному периоду начала демографической волны. Однако последующее падение рождаемости оказалось достаточно крутым, схожим лишь с 1943 г. После 1995 г. числа родившихся не поднимались выше 1.3–1.2 млн. человек. Полученная в 1982–1988 гг. прибавка рождений в 1.5 млн. человек в течение 1992–1994 гг., т.е. трех лет депопуляции была полностью «съедена».

Таблица 3.4

**Численность лиц, родившихся в 1914–1918 гг.
и доживших до 1979, 1989 и 1999 гг.**

Годы рождения	1979 г.		1989 г.		1999 г.	
	тыс. человек	в % к 1914 г.	тыс. человек	в % к 1914 г.	тыс. человек	в % к 1914 г.
1914	1259.5	100.0	862.5	100.0	346.8	100.0
1915	1026.1	81.5	724.8	84.0	346.8	89.8
1916	853.2	67.7	615.5	71.4	286.3	82.6
1917	762.1	60.5	761.2	88.3	330.0	95.2
1918	1168.1	92.7	870.6	100.9	360.9	104.1

Демографическая волна как следствие снижения рождаемости в 1941–1945 гг. и похожа, и отличается как от волны военных лет (1914–1922 гг.), так и от волны мирного времени (восемидесятые –

девяностые годов). Несмотря на значительное снижение рождаемости, приходящегося на 1943 г., тем не менее оно было меньшим, чем падение рождаемости в 90-е годы (в 1999 г. по отношению к 1987 г. – более чем в 2 раза). Как и в Первую мировую войну, так и в годы Великой Отечественной войны демографическая волна возникла в результате быстрого падения рождаемости и затем постепенного ее подъема, но во втором случае, уровень с которого началось падение рождаемости, так и не был в последующем достигнут. В этом состоит сходство с демографической волной, образовавшейся в конце XX века. Можно ожидать рост рождаемости, но не восстановление того уровня, с которого началось ее падение. Наконец, удивительное совпадение: и в годы Первой мировой войны и в годы Великой Отечественной войны: снижение рождаемости длилось лишь 2.5 года войны, а затем, в 1917 г. и 1944 г. начиналось ее повышение.

Образование демографической волны, которая возникла в годы Великой Отечественной войны, многие десятилетия влияет не только на режим воспроизводства населения, но и ведет к скачкообразной динамике различных контингентов населения: дошкольного, школьного, вузовского, призывного, репродуктивного, трудоспособного, пенсионного.

Падение рождаемости во время войны и ее медленный рост в первые послевоенные годы напомнило о себе уже во второй половине 60-х годов. В этот период числа родившихся опустились до отметки 1.8–1.9 млн. человек по сравнению с 2.8–2.9 млн. в компенсаторные пятидесятые годы, во многом определившие рост рождаемости во второй половине 70-х годов. В конце 80-х годов вновь началось снижение рождаемости. Его частично можно объяснить и тем, что в эти годы достигла затухающая, но еще не угасшая демографическая волна военных лет. Ее влияние видимо сказалось на рождаемости в первые годы XXI века. В это время наиболее активную

часть репродуктивного контингента составили правнучки тех, кто родился в роковые сороковые годы.

Благодаря мерам помощи семьям с детьми, введенным в Советском Союзе в начале 80-х годов, и особенно мерам демографической политики (в их числе и материнский капитал), реализуемым в независимой России с 2007 г., демографические волны стали влиять на динамику населения не так явно. Продолжавшееся несколько лет (2006–2009 гг.) благоприятное время, когда числа родившихся выросли к уровню 2005 г. более чем 300 тыс. человек, а числа умерших сократились на 290 тыс., к настоящему времени закончилось, а тренды демографического развития России в ближайшей перспективе пока остаются весьма неопределенными. И хотя достигнутые успехи радуют, но не успокаивают, т.к. вслед за ними грядут огромные трудности в демографическом развитии России. Эти трудности обусловлены проявлением трех обстоятельств.

Первое обстоятельство – влияние на демографическое развитие финансово-экономического кризиса и его последствий. Обычно экономические кризисы пагубно влияют на демографические параметры. Системный, в т. ч. и экономический кризис начала 90-х годов привел к тому, что в 1994 г. число умерших превысило уровень 1991 г. на 610 тыс. человек. За это же время число самоубийств возросло в расчете на 100 тыс. населения на 57.4%, причем сельских мужчин – на 73.6%.

Менее глубоким оказался августовский дефолт 1998 г. К этому времени несколько улучшилась демографическая ситуация: сократились числа умерших примерно на 300 тыс. человек, число самоубийств к уровню 1994 г. снизилось на 16%. Даже число рождений в 2008 г. превысило уровень 1997 г. на 23 тыс. Происшедший дефолт, по сути, скоротечный кризис, сразу же повлек спад рождаемости (число родившихся сократилось в 1999 г. на 68 тыс.), рост смертности (число умерших в 2000 г. превысило уровень 1998 г. на 236 тыс.

и с тех пор вплоть до 2005 г. сохранялось на отметке 2.3 млн.). Вновь стало расти число самоубийств: в 1999 г. оно увеличилось относительно 1998 г. на 11%.

Нынешний кризис пока не проявил себя в демографической сфере, прежде всего, из-за того, что государство не сократило свои социальные программы, в ряде случаев даже усилило поддержку социально слабо защищенных слоев населения. Другая, более фундаментальная причина – население уже адаптировалось к новым социально-экономическим реалиям, чего не было в начале 90-х годов, когда ломались устои одного социального уклада и создавался не вполне цивилизованными методами другой, его антипод, не гарантировавший всеобщего благоденствия. Более того, ныне у населения появилось больше доверия к проводимым в стране преобразованиям.

Тем не менее, нынешний кризис может повлиять на демографическое развитие в первую очередь вследствие сокращения финансовых возможностей государства (бюджет вновь стал дефицитным), которые необходимы для дальнейшего усиления демографической политики. Нельзя исключать и прямое воздействие кризиса на рождаемость и смертность. Пока это воздействие просматривается слабо.

Экономический кризис, начавшийся во второй половине 2008 г., продолжался в 2009 г. и, вероятно, не исчезнет еще в 2010 г. Он внесет изменения в демографические тенденции, являющиеся исходной базой для дальнейшего выхода России из режима депопуляции.

Второе обстоятельство более долговременно. Именно оно связано с созданной в восьмидесятые-девяностые годы выпукло-вогнутой демографической волной. В 1983–1987 гг. произошел взлет чисел родившихся до 2.4–2.5 млн. в год, а затем, в 1996–2001 гг. числа резко упали до 1.2–1.3 млн. Движение различных по численности кон-

тингентов помимо того, что в социальной сфере скачкообразно меняет потребность в образовательных, воспитательных и других учреждениях, определяет численность и структуру экономически активного населения, воинских контингентов и др., еще и задает параметры демографического будущего страны.

В частности, при сокращающихся репродуктивных контингентах, особенно женщин в возрасте 20–29 лет (ныне их 8.6%, в 2015 г. может быть 7.3% и в 2025 г.-5%), чтобы поддерживать численность родившихся на уровне 2008 г. (1.7 млн.), надо увеличивать в соответствующей мере суммарный коэффициент рождаемости, о чем подробно говорилось выше в параграфе 1.2. Так, в 2020 г. численность женщин репродуктивного возраста будет меньше нынешней на 4.9 млн. или на 13%, причем все это сокращение придется на самый активный репродуктивный возраст. Женщин в возрасте 20–29 лет будет меньше на 40%. Для компенсации такого сокращения репродуктивных контингентов с тем, чтобы в 2020 г. родились же 1,7 млн. детей, потребуется увеличение суммарного коэффициента рождаемости в 1,3 раза: с 1,49 в 2008 г. до 1,95 в 2020 г.

Есть еще одно обстоятельство, которое обуславливает стратегию проведения стабильно усиливающейся демографической политики, обстоятельство, основанное на учете советского опыта проведения демографической политики в 80-е годы прошлого столетия и опыта реализации мер современной демографической политики российского государства. Это обстоятельство – необходимость дифференциации мер демографической политики во времени и пространстве.

Меры демографической политики начала 80-х годов предусматривали их последовательное введение в течение 3-х лет по регионам страны: вначале Нечерноземье с его подорванным демографическим потенциалом и северные территории, затем остальная

Россия и часть союзных республик и затем Средняя Азия. В стратегии тех лет, которая ставила в качестве основной задачи – погасить демографическую волну (в 80-е годы в репродуктивный возраст вступали родившиеся в годы войны), был применен временно-территориальный принцип. Введение мер демографической политики в начале 2007 г. в современной России этот принцип не учитывало. Более того, анализ полученных в 2007–2009 гг. результатов и в сфере рождаемости в сфере смертности, показал, что как и в 80-е годы, наибольший эффект достигается сразу же в первый год введения мер, а потом их действие ослабевает (табл.3.5).

Таблица 3.5

**Динамика затухания эффекта от действия мер
демографической политики, реализуемых с 2007 г.
(тыс. человек)**

Показатели, тыс. человек	2005	2006	2007	2008	2009
Число родившихся	1457	1480	1610	1714	1764
Прирост	X	23	130	104	50
Число умерших	2304	2167	2080	2076	2014
сокращение	X	137	87	4	62
Естественная убыль	-847	-687	-470	-362	-250
сокращение	X	160	217	108	112

Последнее обстоятельство показывает, что нужен пакет мер, вводимых в течение 3–4 лет в определенной очередности по регионам в зависимости от ряда признаков, причем объем вводимых льгот должен нарастать для каждой группы регионов тоже в течение нескольких лет. Пик введения наиболее сильных мер должен приходиться на самые «провальные» годы, когда в возраст наибольшей фертильной активности будут входить женщины, родившиеся в конце 90- годов.

* * *

Итак, в годы Великой Отечественной войны Россия потеряла потенциально возможных 7 млн. человек в связи сокращением рождаемости. Это примерно половина прямых людских потерь. В свою очередь деформация возрастно-половой структуры отрицательно сказалась на характере воспроизводства населения страны в течение всей второй половины XX века. Возникшая в годы войны демографическая волна в течение всего этого периода отрицательно влияла на функционирование отраслей социальной инфраструктуры, в связи с резкими колебаниями различных контингентов населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия пережила XX век. Уже десятый год живет в новом столетии. Пережитый век – столетие войн и потрясений, драм и трагедий Великого народа. В многострадальной стране в течение одного века дважды радикально менялся общественно-экономический уклад, трижды подвергалась ломке политическая структура. На первую половину XX столетия пришлись Русско-японская война, Кровавое воскресенье и революция 1905–1907 гг., аграрная реформа со столыпинскими «галстуками», Первая мировая война, Октябрьское восстание, гражданская война и интервенция 14 государств, эпидемии и голод двадцатых годов, ликвидация кулачества, а заодно и крестьянского трудолюбия, Советско-китайский военный конфликт, две локальных войны с Японией (Хасан и Халхин-Гол), репрессии 1937–1939 гг., Советско-финляндская война и Великая Отечественная война советского народа. Нет необходимости выяснять, кто виноват в тех или иных событиях. Здравомыслящий читатель разберется в этом сам, если отделит домыслы о том, у кого какие были намерения, от реальных фактов, кто на кого напал первым, или кто был экспроприатором, а кто – экспроприруемым.

На вторую половину XX века приходятся неудавшиеся хрущевская и косыгинская реформы; разочарование общества в идеалах будущего, да и кумирах прошлого в связи с разоблачением культа личности Сталина; идейный крах, последовавший за провалившимися горбачевскими намерениями придать «развитому», но голодному социализму, «человеческое лицо»; холодная война, развязанная в большей мере лидерами запада (Черчилль, Трумен и др.), чем ответной политикой Советского Союза. Были также подавление народных выступлений в Венгрии и Чехословакии, ин-

тервенция в Афганистане, пограничный конфликт на р. Уссури, две военных операции в Чечне. Однако, все потери, вызванные этими событиями, не идут ни в какое сравнение, с тем, что принесли народам России реформы, представляющие собой революционную ломку экономического базиса. Отличие того, что произошло в 90-е годы от революционных преобразований 20-х годов состоит лишь в том, что нынешнее «реформирование» не сопровождалось гражданской войной, поскольку экспроприировалась не частная, а общественная, стало быть, ничейная собственность.

В XX столетии наибольшие людские потери приходится на долю трех основных событий: Первую мировую и гражданскую войны, Великую Отечественную войну и реформы 90-х годов. В начале века на полях сражений с Германией и Австро-Венгрией, а затем в гражданской войне и борьбе с интервенцией Россия потеряла несколько миллионов человек. Безвозвратные потери только красноармейцев составили около одного миллиона. (17. с. 407) Но были еще и потери белогвардейцев, участников повстанческих армий, в основном крестьян, мирного населения.

Последнему десятилетию XX века также присущи огромные людские потери. В 90-е годы в связи с ухудшением условий жизни населения, деградацией отраслей социальной инфраструктуры, прежде всего государственного здравоохранения, ухудшения структуры и качества питания, роста социальной напряженности и неуверенности в будущем возросла смертность во многих возрастах, в первую очередь среди мужчин, продолжительность жизни которых колеблется вокруг отметки в 60 лет, что на 10–15 лет ниже, чем в развитых странах. Даже простое сопоставление численности умерших в девяностые годы с восьмидесятыми показывает, что в России в годы реформ сверхсмертность (прямые людские потери) превысила 3-х млн. человек.

Однако людские потери в Первую мировую и гражданскую войны, а также в период радикального реформирования страны взятые вместе в два с лишним раза меньше, чем людские потери в Великой Отечественной войне. Свыше 13 млн. загубленных человеческих жизней. Это больше, чем все остальные потери России в XX веке. Трудно сказать какова была бы нынешняя численность населения страны не будь малых и больших войн и различных экспериментов над собственным народом. Ясно, что помимо внешних причин гибели населения России (интервенция времен гражданской войны, нападение фашистской Германии на СССР и др.) велика доля и причин, внутренне присущих российскому менталитету: люди никогда не ценили свою жизнь и не берегли свое здоровье, а государство (все три режима – царский, советский и демократический) не несло ответственности за жизнь собственного народа.

Чтобы Россия снова, в очередной раз, возродилась подобно фениксу из пепла, нужно, прежде всего, сломать два негодных стереотипа: люди должны научиться ценить свою жизнь и бороться за неё, а власть всех ветвей и уровней – относиться к собственному народу как к самому ценному, чем располагает цивилизованное государство. XXI век может стать не только веком надежд и свершений, если человек в России будет не только звучать гордо, но и жить достойно, по человечески.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998
2. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Оценка людских потерь в период Великой Отечественной войны. //Вестник статистики. 1990, № 10
3. Аргументы и факты. 1990, № 13
4. Аргументы и факты. 1990. № 19
5. Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М. 1975.
6. Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975
7. Бреев Б.Д. Подвижность населения и трудовые ресурсы. М., 1977
8. Брежнев Л.И. Великая победа Советского народа. М., 1965
9. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. М., 1989
10. Великая Отечественная война (историография), сборник обзоров, ИНИОН РАН, М., 1995
11. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. М., 1965
12. Вечерняя Москва. 8 августа 1991
13. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995
14. Вторая мировая война. Пер. с немецкого. М., 1997
15. Гареев М. Социально-политическое значение и цена Победы. “Международная жизнь”. 1994. № 9.
16. Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941-1990). Пермь, 1992
17. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. / Под ред. Кривошеева Г.Ф. М., 1993.
18. Гурвич И.С. К вопросу о влиянии Отечественной войны 1941-1945 гг. на ход этнических процессов в СССР. //Советская этнография. 1976. № 1

19. Демографический прогноз. М., 1990
20. Демографический энциклопедический словарь. М. 1985
21. Елисеев В., Михалев С., Так, сколько же людей мы потеряли в войне? //Военно-исторический журнал. № 6-7. 1992
22. Земсков В.И. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.). //Социус. 1995. № 5.
23. Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект). // Социус. 1991. № 6
24. Знамя, 1989, № 12
25. Известия от 9 мая 1990 г.
26. Интервью тов. И.В. Сталина с кор. Правды относительно речи г. Черчилля. //Большевик, 1946, № 5
27. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Том 2. М., 1961.
28. История населения СССР – 1920-1959. (часть I). Экспресс – информация. Серия “История статистики”. Выпуск 3-5. М., 1990.
29. История СССР XIX – начало XX века. М., 1987
30. Итоги второй мировой войны. Сб. статей. Пер. с немецкого. М., 1957
31. Кваша А.Я. Демографические потери СССР во Второй мировой войне. //Вестник Московского Университета. Серия “Экономика”. 1993. . № 4
32. Кваша А.Я. О методике определения людских потерь в Великой Отечественной войне. //Социологические исследования, 1990, № 1
33. Книжное обозрение, 1991, № 19
34. Книжное обозрение. 1988. № 8
35. Кожурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны. //Военно-исторический журнал. 1991. № 2.
36. Козлов В.Н. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. //История СССР. 1989., № 2
37. Колесник А.Д. РСФСР в Великой Отечественной войне. М. 1982
38. Литературная газета. 31 января 1990 г.
39. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб. 1995.
40. Марианьский А. Современные миграции населения М., 1969
41. Militarizm. Цифры и факты. М., 1983
42. Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (статистическое исследование). Красноярск. 2000.

43. Моисеев М.А. Цена победы. //Военно-исторический журнал. 1990, № 3
44. Мунчаев Ш.М. Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны. //История СССР. 1975. №3
45. Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М. 1956.
46. Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник. М., 1962.
47. Народное хозяйство СССР в 1962 году. Статистический ежегодник. М., 1963
48. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977
49. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
50. Население и общество. Информационный бюллетень. 1995, № 5
51. Население России в 1920-1950 годы: Численность. Потери, Миграции. Сборник научных трудов. М., 1994
52. Население России за 100 лет (1897-1997). Статистический сборник. М., 1998
53. Население СССР 1987. Статистический сборник. Госкомстат, М., 1988
54. Население СССР за 70 лет. /Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М., 1988
55. Население СССР. 1973. Статистический сборник. М. 1975.
56. Нестеров Л. Цена войны. //Вестник статистики. 1990, № 5
57. Новая газета. 17 ноября 1999 г.
58. Новая газета. 1999. № 22
59. Огонек, 1990, № 15
60. Перепись населения 1937 года. История и материалы. (Часть II). Экспресс – информация. Серия “История статистики”. Выпуск 3-5. М., 1990.
61. Пирожков С.И. Трудовой потенциал в демографическом измерении. Киев, 1992
62. Письмо Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева премьер-министру Швеции Т. Эрландеру (5 ноября 1961 г.). //Международная жизнь. 1961, № 12
63. Поиск, 1989, № 5
64. Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М.1985
65. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе, и их репатриация. М., 1996.

66. Правда от 3 февраля 1990 г.
67. Правда, 6 октября 1989 г.
68. Правда. 25 ноября 1990 г.
69. Приложение к журналу Родина, 1994, № 5
70. Проблемы демографической статистики. М., 1959
71. Роковые решения. Пер. с англ. Воениздат. М., 1958
72. Российская газета. 11 мая 1995
73. РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М. 1967.
74. Рыбаковский Л.Л. Двадцать миллионов или больше? // Политическое образование. 1989. №10.
75. Рыбаковский Л.Л. Людские потери России в войне 1941-1945 годов. ИСПИ РАН. М.2000
76. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. ИСПИ РАН.М., 1999.
77. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М. 1973.
78. Рыбаковский Л.Л., Князев В.А., Захарова О.Д. Остарбайтеры: численность, здоровье и условия жизни в современной России. М., 1999.
79. Совершенно секретно. Только для командования. М., 1967
80. Советская культура. 3 октября 1988 г.
81. Соколов Б. Цена Победы. Великая Отечественная. Неизвестное об известном. М., 1991
82. Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны. //Вопросы истории. 1988, № 9
83. Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998.
84. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое М., 1952
85. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947
86. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957
87. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960
88. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963
89. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 1999 г. Стат. бюллетень. М., 1999
90. Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР. //Социус. 1991, №12
91. Шевяков А.А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны. //Социологические исследования. 1992, №11

92. Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. Русская Панорама. М. 2004.

93. Рыбаковский Л.Л. Прикладная демография. ИСПИ РАН. М.2003.

94. Хроника человечества. Составитель Бодо Харенберг. Изд. Второе, дополненное. «Слово/Slovo». М.2000

Содержание

Предисловие 3

Введение 5

Раздел 1 ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР В ВОЙНЕ 7

Глава 1 Факторы, обусловившие масштабы потерь Советского Союза в войне 12

Глава 2 Отечественные и зарубежные оценки Людских потерь СССР 24

Глава 3 Методы оценки людских потерь страны 34

Глава 4 Оценка численности населения на начало и окончание войны 45

Глава 5 Людские потери: сравнительный анализ 55

Раздел 2 ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ РОССИИ В ВОЙНЕ 63

Глава 1 Предпосылки оценки людских потерь для частей страны 67

Глава 2 Пропорциональный и прямой методы 74

Глава 3 Метод демографического баланса 80

Глава 4 Этнодемографический метод 88

Глава 5 Оценка людских потерь России 102

Раздел 3 КОСВЕННЫЕ ПОТЕРИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 112

Глава 1 Косвенные людские потери 114

Глава 2 Демографические последствия войны 118

Заключение 132

Библиография 135

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Л.Л. РЫБАКОВСКИЙ

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР И РОССИИ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Штрих-код

Подписано в печать 23.03.2010 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,75. Заказ 1436. Тираж 500 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Ивовая 2. Тел. (499) 180-9305